

КРОКОДИЛ

№ 2 • 1995

ISSN 0130 • 2671

Достиг высоких он постов,
Постиг военную науку,
Он сделать многое готов —
Мешают только Фак и Щука.

Он острой шуткой дорожит,
Хоть голос и не без металла.
Конверсии не подлежит
Прицельный юмор генерала!

А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.

В этом номере вам улыбаются:

- Александр ЛЕБЕДЬ
- Георгий ЖЖЕНОВ
- Владимир ПОЗНЕР
- Павел БУНИЧ

И. ЛОСОСИНОВ.

Александр ЛЕВЕДЬ:

«Я РАБОТАЮ ГЕНЕРАЛОМ»

— Александр Иванович, можете вы вот так, с ходу, сказать: что запомнилось вам в «Крокодиле»?

— Что запомнилось? Фотография. Железнодорожные пути, а между рельсов стоит столб. Я ее время от времени

и сейчас вспоминаю и думаю: кто же этот столб и долго ли он еще тут торчать будет?

— Для меня, человека сугубо штатского, активно увливающего от всяческих военных сборов и переез-

тестаций, всегда было загадкой стремление других в армию. Что вас туда завлекло?

— Воспе не блеск мундира. Мишура меня никогда не привлекала. Романтика армии — да. А еще люблю достигать

непростых целей. Сделать, например, из части игрушку, для которой нет невыполнимых задач. Начиналось все, правда, довольно невесело: в шестьдесят пятом прыгали через козла в гимнастическом зале. Победить-то я победил, но сломал ключицу. Треснулся тогда подходяще, так что на мечте стать летчиком пришлось в итоге поставить крест. Три раза поступал в училище, но... Врачи — они ведь юмора ситуации не принимают. Не пригоден, и все. Подался в ВДВ. Сломал копчик и руку. На этом, похоже, план выполнил. Поступил в училище, окончил его. Двадцать пять лет в строю — не пятьдесят, но все равно солидно. Больше не ломался...

— Сегодня стараниями и прессы, и кинематографистов армия ассоциируется с дедовщиной, матом, черным юмором, нелепыми и жестокими «проверками» и «разборками»...

— «Проверки» и у меня были. В первые же дни службы лейтенантом. Помню, мы в части три ночи играли с «проверяющими» в карты. Утром — физо, потом — занятия по полной программе. На четвертый день надоело — послал своих «проверяющих» подалее. Среди них, кстати, нынешний министр обороны был. Так они взвыли

Георгий КОНН

ПОГРАНИЧНАЯ ПЕСНЯ

Рак за руку Греку цап!
(Фольклор.)

Между Диксоном и Кушкой,
там, где ногу сломит черт,
пограничная речушка
стратегически течет.

Спите, взрослые и дети!
Не ворвется в двери враг!
На посту, как на диете,
пограничник Миша Рак.

Вот он видит: лезет в реку,
и причем без визы МИД,
деклассированный Грека,
люмпен и космополит.

К нам его заслало с тыла —
звать Россию к топору —
очень злое воротило
из магнатов ЦРУ.

Тут, столбы сшибая в реку,
под победное «ура!»
Рак за руку цапнул Греку
(голь на выдумки хитра).

И в казарме пахло славой,
и дежурный офицер,
веселясь, читал уставы
сквозь оптический прицел.

Всех чества в Минобороны —
там всегда у них аврал, —
появился на кордоне
Самый Главный Генерал.

Говорил: «А ну-ка, на-ка,
Миша, отпуск получи.
Остальным —

ГОРДИТЬСЯ РАКОМ!» —
свой приказ он заключил.

В отпуску герою снится,
будто, так его растак,
хочет стырить столб с границы
цереушник — злобный враг.

Рак кричит: «В ружье, застава!»
Но проснулся — тишина.
Рядом, лежа по уставу,
спит законная жена.

МЫСЛИ НА ПЛАЦУ

Армия — это школа, в которой, как хорошо ни учишься, все равно останешься на второй год.

Лучшее средство от любви — это бег с полной выкладкой и в противогазе.

Из блокнота ефрейтора С. САФОНОВА.

А. КЛИМОВ,
г. Набережные Челны.

Ю. СЕВЕРИН,
«Перец»,
г. Киев.

— Первый, первый! Я — второй!
Третьим будешь?

от восторга: «Ну ты, — говорят, — и здоровый лом!»

— **А в картах-то повезло?**

— «Повезло»... Задолжал семнадцать и восемнадцать рублей. Ни хрена, говорят, с полочки отдашь.

— **Отдали?**

— Конечно. Что же касается анекдотов об армии... Если выбросить чернуху и пошлость, в них немало хорошего юмора. Мой любимый? Я его Караулову рассказал, а он — всей стране. Повторяться не стоит.

— **И тем не менее? Недостатков в армии было предостаточно. «Как надену портупею...» Это ведь про офицеров говорилось.**

— Учили нас неплохо, но одностронне с точки зрения общего развития. Марксистско-ленинская этика, эстетика... Встречались и просто неотесанные. А культуру, знания за пределами программы добирал каждый сам. Как умел или как хотел. Умели, а тем более хотели, далеко не все. Вот и наплодилось офицеров, которые только дискредитировали армию. «Копаем от забора и до обеда». С одной стороны, смешно — совместил пространство и время. А с другой?

— **Потом был у вас в биографии**

Афганистан, где наверняка уж было не до смеха.

— Почему? Улыбке место везде найдется. Представьте: стоит отдельный парашютно-десантный полк в линию ротных колонн. Появляется командир. Замкомполка подполковник Грачев подает команду. Оркестр начинает играть встречный марш. Командир и зам движутся навстречу друг другу. Все как положено. И тут на плац черт выносит полковую собаку Найду — была у нас такая: здоровенная, страхолюдная и страшно добрая. Вдруг командир срывается и с криком начинает гонять эту самую Найду. Ситуация, скажем так, нештатная, инструкцией не предусмотренная. Что делать? Секундная заминка, и каждый продолжает выполнять свои обязанности. Полк стоит по стойке смирно. Оркестр играет. А командир гоняет Найду. Здоровую собаку не очень-то и пнешь, увернется. Вот командир и выдвигает ногами в воздухе странные антраша и оттого злится еще больше. Наконец он ее, ко всеобщему облегчению, прогнал, прислушался к оркестру, поймал ногу, пошел навстречу заместителю.

— Товарищ гвардии полковник...

— Здорово, гвардейцы!

Дальше все происходит как по маслу, все довольны, всё сделали правильно, будто Уставом предусмотрена для командира обязанность собак гонять.

Уроки, итоги афганской войны далеко не однозначны. Там дрались потомки суворовских, жуковских солдат. Негодяев было мало. Дети «значимых» родителей туда не попадали. Кто был рядом? Сыновья рабочих, крестьян, выходцы из семей трудящейся интеллигенции: учителей, врачей, инженеров. Там наступило прозрение... Телевизор включишь — идиллия: арыки копаем, чинары сажаем. Вылетаешь из мирной, нормальной страны, какие-то два часа, и тебя запросто могут подстрелить, кровь, убитые женщины и дети, злоба, ненависть. А откроешь газету — лапша на уши виснет. Все, кто там побывал, вернулись в той или иной степени сдвинутыми. И проблему этих ребят можно решить только на государственном уровне, не болтовней, а делами, кропотливыми, конкретными, повседневными. А пока... Мы принесли Афганистан с собой, и он пыльным цветом расцветает в «горячих точках». Бесславно закончившаяся перестройка перешла в перестрелку. Парад суверенитетов... Мы начинали сыпаться. Афганское братство

распадается. Бывшие друзья, больше чем друзья — братья стреляют друг в друга. В 92-м с молдавской стороны погибло 34 бывших афганца. Гибли ребята и с этой, приднестровской, стороны. В великое афганское братство внесли раскол. Родились наемные убийцы, готовые со всей пролетарской ненавистью крушить друг друга.

А что творится в Афганистане? Пока мы были там, сохранялось хоть что-то. А сейчас... Война продолжается, уже и Кабул разнесли по камешку. Урок? Еще какой. Только учитывать его никто не желает. Сейчас кричат: «Уберите 14-ю армию из Молдовы, и здесь будет мир!» Ерунда! Будет то же самое: кровь, война, горе. Оружие делают, чтобы оно стреляло. Уже стреляет. Только слышать это многие не хотят. Стреляют-то не в них.

— **Горькие уроки, горькие выводы. Хотя... Если бы десяток лет назад кто-то сказал мне, что Родина развалится, вечерашние друзья станут врагами, расхохотался бы. Теперь ломаю голову, почему так произошло.**

— А вспомните август-91. Партия с таким количеством членов в принципе была непобедима. Но та партия сгнила с головы. Ни один из ее главарей не

РАЗГОВОРЧИКИ В СТРОЮ

Деревенская старушка жалуется соседке:

- Слышь, Дунь, у меня на огороде всю клубнику вытоптали.
- Солдаты, наверное.
- Да нет, следы вроде человечьи.

★

Саддам Хусейн телеграфирует Грачеву:

«Ракеты «земля — воздух» получили тчк Оттружайте ракеты «земля — самолет».

Прислал Э. Шикин,
г. Вологда.

В американской академии «Вест-Пойнт»:

— ...Но страшнее морских десантников русский стройбат. Там такие лихие ребята, что им даже оружие не выдают.

Прислал Е. Годунов,
Красноярский край.

Прапорщик, указывая на голову, лежащую на плацу:

- Сержант Иванов! Это что такое?
- Голова, товарищ прапорщик!
- Вижу, что голова. Почему не подстрижена?!

★

Старшина — генералу-инспектору:

- А ну застѣбнись!
- Генерал удивленно оглядывается на командира полка.
- Тот шепчет:
- Товарищ генерал, действительно, застегните китель. Наш старшина два раза не повторяет.

Прислала Е. Маркова,
г. Киев.

На границе:
— Пароль или стреляю!
Голос из темноты:
— Да пошел ты на...!
Пограничник бормочет:
— Надо же, второй год служу, а пароль все тот же.

★

Идет прапорщик на рыбалку. Увидел красивую девушку да как стукнет весло по голове. Девушка упала.
— У-тю-тю... какие мы нежные!

Прислал Н. Семенков,
г. Москва.

Приходит солдат в санчасть. Доктор ему:

- Слушай, ты на гражданке ко мне с такой фигней не пошел бы.
- Конечно. Я бы тебя на дом вызвал.

★

Поставили сельского хлопца склад охранять. Подходит прохожий и спрашивает:

- Что вы тут охраняете?
- Автоматы, пулеметы, винтовки.
- А почему ты мне все рассказываешь? Вдруг я лазутчик?
- Автоматная очередь.
- Ты гля, кака сука!

★

— Московское время — 20.00. Для слабоумных — 8 часов вечера. Для прапорщиков и офицеров — большая стрелка на 12, маленькая — на 8. Для старших офицеров — 8 напоминает фигуру женщины.

Прислал В. Попов,
г. Москва.

Молодой лейтенант, выпускник училища, протирает контакты электроники спиртом. Заходит прапорщик:

- Ты что делаешь?
- Протираю тонким слоем, как в училище велели. Берем ватку, смачиваем спиртом и трем.
- Чему вас только учат! Смотри, как надо.
- Берет стакан, наливает спирту, выпивает, дышит на контакт и трет.
- Вот так — тонким слоем!

Прислала Е. Норкина,
г. Омск.

Старшина входит в казарму после отбоя:

- По моей команде глаза за-крыты! Отстаешь, Сидоров, щелчка не слышу!

Прислал Д. Дубинин,
Калужская обл.

Солдат, дежуривший на ядерной установке, задремал и облокотился на пульт. Когда вошел дежурный офицер, он встrepенулcя, вскочил и доложил:

- Товарищ лейтенант! В мое дежурство происшествий не было!
- Не было, говоришь?! А куда, сукин сын, Бельгия девалась?! Два наряда вне очереди!

Прислал В. Коненко,
Краснодарский край.

А. ВАСИЛЕНКО,
г. Киев.

последовал примеру Альянде. Куда там! Все дружно отошли на заранее подготовленные уютные позиции. Оставили партийное стадо без пастырей — оно в итоге и оказалось самым виноватым. Опять тройная мораль. Она не могла не привести к краху.

— **В том числе и в армии?**

— В армии было 90% коммунистов. Власть, причем власть дурацкая — политработников, всем осточертела. Дело ведь до идиотизма доходило. Бац, указ по борьбе с пьянством! До 15 мая все пили, а с 16-го ни-ни. Нюхали, драли, исключали. А любой диктат возбуждает естественное чувство противоречия. Если бы тогда скомандовали: «Пейте, мужики! Кто помер от пьянства — тот национальный герой!» — наверное, дружно стали бы винные магазины громить. В итоге иго замполитов скинули. А дальше? Облегчение-то оказалось сиюминутным. Армия, кстати, сама с собой не сорилась. Вновь объединиться — никаких вопросов. Славяне на 90% упадут друг другу в объятия: «Микола, как мы давно не виделись! Снимай свой дурацкий мундир, надевай мой, а еще лучше — давай наденем какой-нибудь другой, но одинаковый». А в северокавказских армиях за объединение, думаю, еще больше.

— **Октябрь-93 изменил и отношение к армии. Вы вот всегда утверждали, что армия в народ стрелять не будет.**

— А вы думаете, там армия стреляла? У меня есть списки, самый младший по званию — майор. Чистые наемники. Соблазнили на квартирники, машинки, государственные награды. Корни этого, по-моему, еще в тридцатых годах зарыты, когда уничтожили 40 тысяч офицеров и генералов. Произошло усреднение, перед серостью и продажной дверью расслабнулись. Но с народом армия воевать не будет. Это знают, именно поэтому армия сегодня — в загоне, не доверяют ей, создают всяческие элитные президентские войска. Наберут ли?

— **Последнее время в моду вошли разные рейтинги, коэффициенты. Если им верить, вы — один из самых популярных в армии людей, реальный кандидат в президенты...**

— Рейтинги меня мало интересуют. Я работаю генералом, президентствовать не мое дело. Переделать перешагнувшего 40-летний возраст поздно, как-то сложился, таким и сдохнет. Не представляю себя юлящим, лебезящим перед фракциями, депутатскими, тем более вешающими лапшу на уши народу.

— **Насколько я знаю, вы одинаково удачно умеете и высмеять, и «вдарить».** А что предпочитаете?

— Высмеять. По армии могу сказать: самое страшное, когда начальник стал смешон. Простят все, кроме этого. Смеются над тобой подчиненные — все, сливай воду и проваливай. Все остальное поправимо.

— **И что же самое главное сегодня?**

— Нет ответа на вопросы: куда идем, что строим? Без четкой цели не то что дом, средней паршивости курятник не построишь. Национальная, региональная политика — где они? Какова должна быть экономическая политика? Ладно, гениев нету, перевелись. Но не ждате же их, как нового Илью Муромца, тридцать лет и три года. Начинать всем вместе, коллективным разумом. Перестройка — перестрелка — переключка. Хапнули суверенитета больше, чем могли унести. Дальше что? Что позитивного? Ничего на ум не приходит. А негативного? Загнешь все пальцы, перечисляя. Время людей, которые умеют только разрушать, ушло. Идея «До основанья, а затем...» себя исчерпала, нужна новая. Нужен хозяин не дутого ваучера, а владелец собственности, свободный человек. Где его взять? Выросли «новые русские» — вроде хорошо, но и тех душат налогами — 97% из ста заработанных рублей отдай. Шарахаемся из стороны в сторону. Нет отдельной политэкономии капитализма, как нет и политэкономии социализма, все это

политиканство. Но есть объективные экономические законы. Кто ими руководствуется, тому сопутствует успех. Кто игнорирует, тот в канаве.

— **А просветы есть? Хоть где-нибудь?**

— Рассчитываю, что с приходом Кучмы изменится ситуация и на Украине. Ровно, без экстремизма, идут процессы в Белоруссии.

— **А Россия?**

— Россия традиционно кидается из крайности в крайность. Нужно определить стратегические цели: национальную, региональную, экономическую. И заявить наконец, какой тип общества мы строим, обозначить политику общенациональную. В конце концов великая держава просто обязана честно и конкретно заявить всему миру о своих целях и интересах. Знаете, в армии есть такое присловье: солдат без команды — дурак. Неплохо было бы перенести его сегодня на все государство.

— **А если команды дурацкие?**

— На то и головы на плечах. Пора уже отказаться от традиционной нашей веры в чудо. Человек должен почувствовать себя хозяином, гражданином.

— **В Приднестровье вы уже больше двух лет. Наверняка было что-то и радостное, и разочаровывающее, и смешное. Что больше запомнилось?**

— Самое радостное то, что удалось остановить войну, прекратить совершенно бессмысленное, ненужное, дикое убийство. Два с половиной года люди не уничтожают друг друга. Это прекрасно... Разочаровывающее?... Вместе с людьми защитил режим, который не имеет права на существование. На праздновании 200-летия Тирасполя на квадратном метре банкетного стола ставили по 15 бутылок отборного коньяка. Хвастались, прикрывались трескучими лозунгами. И не отдавали себе отчета, что осколок страны не может жить, как некогда жила вся страна, что нужно понимать сегодняшние реалии, реагировать на них. Сегодня корни той безмозглой политики проросли. Хлеба в магазинах нет... Ну а смешное?... Не знаю, виден ли со стороны юмор военной ситуации... К счастью, в гражданских войнах военных специалистов немного. Как, например, воевали артиллеристы в Бендерах? Один, более-менее разбирающийся, командует водителю:

— Колеса ставь на бордюры. От так.

Потом минометчиком:

— Ту пипочку прикрути на пять, сюда ткнешь. Правильно.

А когда пришла пора ставить миротворческие посты, я все эти «боевые позиции» вычленил и отправил туда БТРы. Приезжают вояки на облюбванное место, а там автоматчики:

— Вы чего, мужики?

— Да нет, мы так...

Физиономии у них очень живописные были. Почти как у Косташа.

— **Это бывший министр обороны Молдовы?**

— Он. Один из главных поборников наведения «конституционного порядка» кровавыми методами. Я прилетел на переговоры в Кишинев. Он меня увидел и бежит навстречу, ручонку тянет. Следом корреспонденты с кинокамерами и прочими «лейками». Пришлось объяснить ему, что, мол, офицеру руку всегда подаю, а палачу — не стану. Он и замер с протянутой рукой. Так его и зафиксировали для истории в дурацком положении с соответствующей физиономией. А через пару дней в Молдове появился новый министр.

— **Значит, будем жить, будем смеяться?**

— Смех — страшное оружие, он же и путь к выживанию. Пока смеемся над другими и над собой — а это свойство сильных людей, — до тех пор живем! Если в мрачной обстановке не будем смеяться, то тихо (а может быть, и не очень тихо, памятуя про груды оружия и прочие АЭС) кончимся как люди и как граждане.

По-мужски с генералом потолковал В. МАКАТРОВСКИЙ.

ТРАГИКОМИЧЕСКАЯ ФУТУРОЛОГИЯ

ЦАРЬ

вателя. Кого по политическим соображениям, кого по бытовым. Кого стихийно, кого централизованно. Киллеры не ленятся — работенка есть на каждый день. Заказное убийство — ходкий рыночный товар. Из разряда ошеломляющих событий переключалось в рядовой скучной статистики.

Нас грабят. Нас насилуют. Нас калят.

В ночные потемки не суйся. Это разучили все. А в дневную светлынь? Безопаснее, но уже не абсолютно. Сиднем засесть дома, за железной дверью? Выковырнут уловкой — телеграммой, клозетной профилакстикой, тараканьим мором. Подстерегут в лифте — при вынужденной отлучке. При перебежке к соседу. У мусоропровода.

О защите не грезь. Милиция едва шевелится. Кто запуган, кто куплен. КГБ раскурочен. Армия являет симптомы деграданта. Сановники коррумпированы. Содействуют

Нас вырезают. Нас выстреливают. Нас выдушивают. А единственно — вырывают. Из жизни вырывают. Поштучно и пригоршнями. Аккуратно и клочьями. Пулями и тротилом, ножами и удавками. Вырывают промышленника и коммерсанта, банкира и гендиректора, журналиста и бабульку, депутата и обы-

НАРОЧНО ИЗ ПРИДУМАЕШЬ

«Игрок попал в положение «вне игры», хотя игры-то как раз пока и не было».

*

«Все время мелькает перед глазами Кулькин, но на поле его сегодня не заметно».

(Из спортивного репортажа.)

Прислал В. КАБОШИН, г. Санкт-Петербург.

«В совхозе выделяют в пожарную охрану людей, которые могут пролежать

и проспать на одном боку не менее 48 часов подряд».

(Из выступления.)

Прислал Н. ДАВИДЕНКО, г. Пугачев.

«В 3 часа дня в здании поселкового Совета состоится товарищеский суд, на который Вы обязаны явиться в качестве дополнения к материалу по делу...»

(Из судебной повестки.)

Прислал Г. ЕФИМОВ, г. Волгоград.

«Вдыхая аромат черемухи, мы не задумываемся о тех многочисленных серьезных обязанностях, которые лежат на плечах нашего зеленого друга».

(Из брошюры «На дачном участке».)

Прислал Н. МАЛАХОВ, г. Москва.

металлов, сырья. Того и гляди окажутся «схваченными» целые стратегические отрасли — алюминевая, никелевая. Жиреет тайный бизнес на золотишке и изумрудах. Из банковской сферы выбиваются незаконные кредиты. Бурные денежные потоки рвутся в теневую экономику. Крестные отцы открывают собственные банки. Для сокрытия прибыли и отмычки грязного капитала. Сговоры с чиновниками разных категорий ведут к передаче госимущества в акционерные общества криминального пошиба. К перекатке бюджетных инвестиций в те структуры, которые под колпаком у гангстерских кланов. Все чаще власти на местах выдают лицензии на предпринимательство только с «санкций» подпольного авторитета. Под незримый террор попадают руководители хозяйств и фермеры — их принуждают продавать зерно за бесценок...

Криминальная революция победно шествует по Отечеству. На его челе, как трупные пятна, вот-вот проступят признаки государства мафиозного типа.

По сему поводу — истощные вопли. Голосят все. И «миражники»,

в респектабельного магната. В шикарном офисе со спутниковой связью визирует контракты с легальным бизнесом. Трущобные «малины» и «сходняки» со «стремом» и «атасом» долетают в кинолентах. Конференции по «делажу» страны и «управлению» ею проходят в Европе и Штатах — в собственных виллах на собственных землях... Пойди возьми «крестных» за рупь за двадцать. Об том же и ФСК, надежда простодушных, толкует: «Мы не должны быть подвержены иллюзиям и ирреальным представлениям о возможности победить организованную преступность в ближайшее время».

А не в ближайшее победите? Ну, прям разбежались...

Да, собственно, на кой черт побеждать ее, эту всепроникающую мафиозию? Уж коль кишка тонка и извилина коротка, чтоб сладить с ней, уж коль, по сути-то, сборола она институты власти, не лучше ли всем миром отдаться ей — осознанно и самозабвенно?! Без сопротивления и, стало быть, без потерь. Вместе со своими силовиками-слабаками. Без толку прогрызающими дыры в общем кошельке. И всего-то

тут делов — согбенно призвать доморощенных «донов», то бишь воров в законе, точно варяжских Рюриков, на княжение во святой Руси: «Просим милостей ваших, приходите, воры, к нам, володейте нами, и правьте, и суды чините!»

И еще как править-то зачнут! А уж судить!.. Попробуй-ка, неслух, повеленье не исполнить, попробуй-ка, криворучка, запороть дело — тут же «в мочку» пойдешь. Приговор навсегда един. И без канители. И не улишь. Естественный отбор расадит по правящим креслам разумнейших из разумных. И каждый в рвении своем будет лезть из кожи — дабы чулком с живого не содрали. Сбудется наша повальная мечта. Уставят паханы порядок. На зависть и загляденье.

И где-нибудь в швейцарских Альпах из потаенной своей элиты выдвинут нам царя-батюшку. Прозываться будет — царь Пахан Первый.

И мы с осиянными ликами устелим цветами его путь к престолу. И пропоем благостным хором:

— Боже, царя храни!

И будем правы. Раз вы, управители Отчизны, ни хрена поделать не можете.

Пахан Первый

каждой 7-й банде, за что преступный мир из «наживаемых» за год триллионов отстегивает им до 50%.

Пустыня безвластия. Мираж правительства. Мираж парламента. И глас вопиющего президента. Крестовые походы на преступность. И раз, и два, и три... С неизменно нулевым эффектом.

Жрецы насилия уже и не смеются. Уже и ухом не ведут. Только брезгливо кривятся. И прибирают к рукам то, что само в руки валится.

А валится государство.

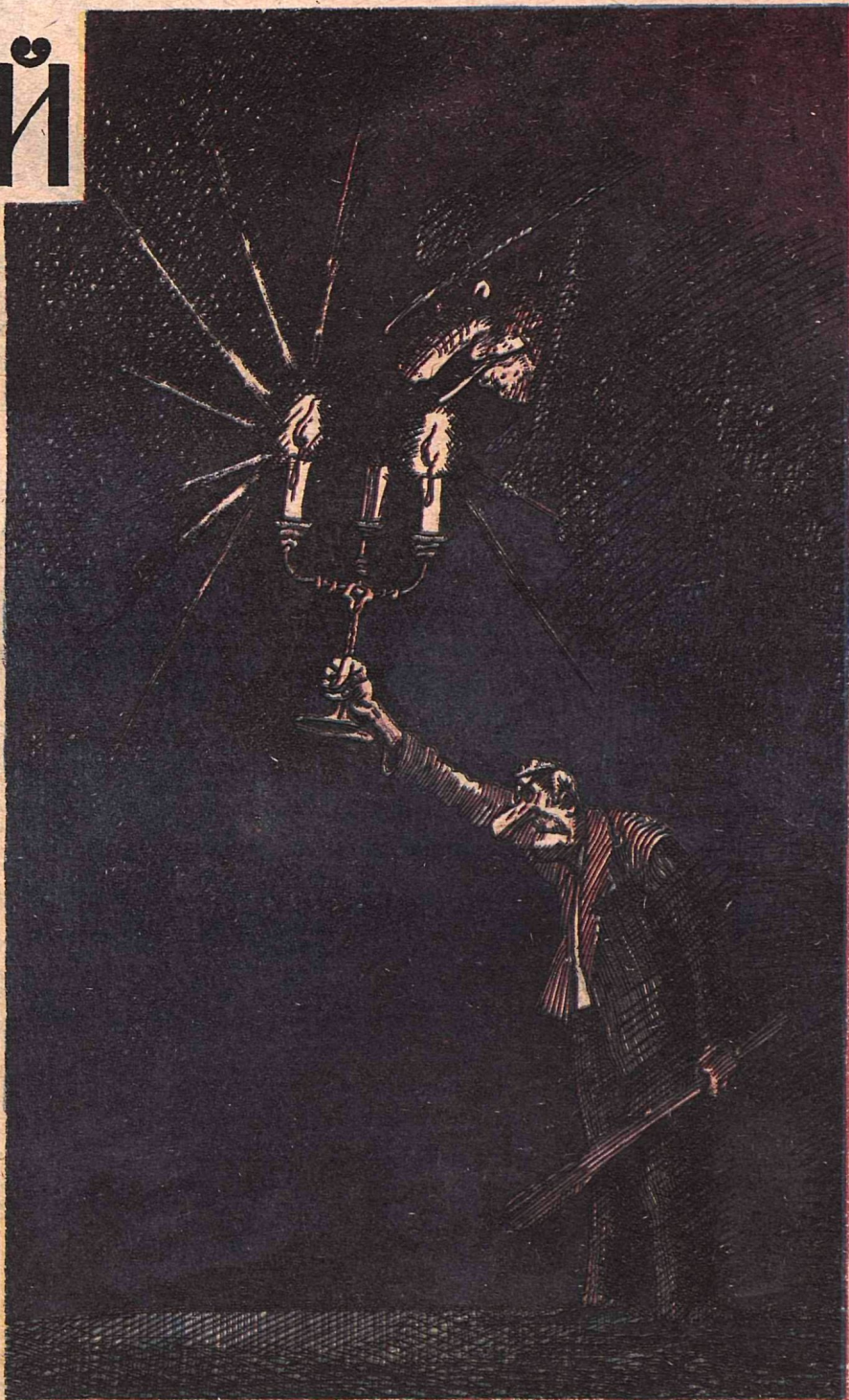
Слабое, дохлое. Оттого и валится. А руки хваткие, загребущие. И головизны при них не тупые. Подстерegli мутное времечко реформации — вцепились в экономику. Под тотальный контроль, как под танковые траки, угодили банки, биржи, рынки, торговые дома и лавки, коммерческие, а частью и госпредприятия. Протянулись когтистые лапы к самому выгодному экспорту — нефти, редкоземельных

и беститульные граждане. Призывают пресечь уголовный шабаш. И даже сокрушить логова.

А кто будет пресекать и сокрушать? И как? И чем?

Правоохранительная система на исполнительском уровне, похоже, деморализована. Панически заворожена ювелирно отлаженным преступным механизмом. С его обожествленной иерархией. Математически точной постановкой дела. Фанатичным повиновением. Тысячами группировок и десятками тысяч боевиков — армией, сравнимой с силами МВД. Сказочным оснащением — от райских карет «роллс-ройса» до адских ракет «земля — земля». Прозорливым внедрением во власть и органы... Это уже государство в государстве. Где легитимное все более подпадает под пяту криминального.

Ныне вор в законе для закона недосыгаем. Про разбой и «мокруху» давно позабыл. Преобразился

АНЕКДОТ

Решил Леня Голубков пригласить к себе девушку на ночь. К кому ни подходит, все ему отказывают. Наконец он не выдержал и спрашивает у одной: почему? А та ему отвечает:
— Да какой же из тебя партнер! Ты — халывщик!

Прислала С. МЕЗЕНЦЕВА, г. Энгельс.

Один автолюбитель припарковал машину у здания Госдумы.

Милиционер ему говорит:

- Куда поставил? Тут же депутаты!
- Ничего, у меня замки хорошие.

Старушка пришла в мэрию и говорит:

— Здравствуйте, товарищи!

Ей отвечают:

— Бабушка, тут «товарищей» нет, их время кончилось.

— Надо же! — удивляется она. — Я сколько лет сюда хожу, а вы тут как сидели, так и сидите...

Прислал И. ИВАРОВ, Татарстан.

В. НЕНАШЕВ, г. Ставрополь.

Мой анекдот про «Чапаева»

Вся моя жизнь в искусстве прошла под знаком «ошибок». На экране я впервые появился в «Ошибке героя» и прошел путь до «Ошибки резидента», моего самого, пожалуй, известного фильма.

«Ошибку героя» сейчас никто не помнит, это был заурядный немой фильм 1933 года. Играл я в нем Пашку Ветрова, тракториста, который зазнался. Его послали в Турцию на международный конкурс. И он заразился тлетворным влиянием западного стиля жизни. А рядом был тракторист-патриот. По ходу фильма он из неудачника превратился в героя, а я потерпел фиаско. Такая чепуха была. В памяти эта работа осталась именно как кинодебют — мой и еще одного артиста, замечательного Ефима Копеляна, ныне покойного.

Другой мой фильм тех лет в отличие от первого знают все. Ведь это «Чапаев». Там я играл Терешку, ординарца Фурманова. В сценарии существовало два конфликта — Чапая и Фурманова, а также их ординарцев Петьки и Терешки. В силу того, что отснято было огромное количество материала, роль Терешки целиком из картины вылетела, за исключением двух эпизодиков.

Но мой-то анекдот про «Чапаева» состоит в другом. Сейчас, когда возникает необходимость вспомнить фильм, сразу ищут меня. Так как авторы и все актеры — исполнители знаменитой картины — уже умерли. И я перед общественностью официально представляю фильм «Чапаев»! И трогательно, и смешно.

Вслед за тем были картины «Наследный принц республики», «Золотые огни», «Комсомольск», а в 1938 году — арест. Так моя киношная биография прервалась до 1955 года.

Не будем экономить на спичках

Моя внучка в четырехлетнем возрасте наиболее точно ответила на вопрос, как не раздавил меня груз пережитого. Когда я поинтересовался: «Полинка, а за что ты меня любишь?» — она ответила: «Ты, дед, всегда шутишь».

Люди шутят в любых условиях, это защитная реакция, жизненная пища. Помните? Самое страшное для правителей, когда народ перестает негодовать и начинает смеяться.

Сейчас в стране какая-то общая угнетенность. Народ не смеется (значит, еще не предел, значит, можно еще давить и давить). Писателям не пишется. Играть нечего. Разве что эстрадникам, но это все поверху.

А как сделать, чтобы народ начал улыбаться? Наверное, как в том анекдоте с козой. Вот еще ухудшится наше житье-бытье, вот «приведут» нам «козу» в дом, а потом — уберут. Тогда и начнем смеяться.

Хотя поводов для смеха и теперь предостаточно. Один человек с трезвым умом сказал: «А цены в стране будут расти, пока коробка спичек не станет стоить 50 рублей». — «А почему?» — «Да так было при нэпе. Как доросла цена до пятидесяти рублей, так и инфляция прекратилась».

Видите, как просто. Я тогда решил судить об экономике по коробку спичек, впрочем, теперь она уже стоит 75, а конца инфляции не видно...

Сидел, и не только за столом

Меня спрашивают: как это для своих лет я так хорошо сохранился? Отвечаю шуткой, которая выскочила однажды на выступлении и с тех пор пошла в тираж: «Потому что мне пришлось много жить на Севере, а, как известно, там мясо долго не портится». В 1974 году был случай в Краснодарском КГБ, куда

АВТОБИОГРАФИЯ
В КУРЬЕЗАХ

Ж. Георгий ЖЖЕНОВ:

ВСЯ ЖИЗНЬ —

ОТ «ОШИБКИ»
К «ОШИБКЕ»

меня пригласили выступить. Появились два человека в номере гостиницы и попросили дать согласие на встречу. Я говорю, кто ж вам откажет, пожалуйста! И вторая просьба — отужинать после встречи. Еще лучше, поехали!

Ну, выступил, прошу задавать вопросы. Встал один сотрудник: «Георгий Степанович, вот вы много играете всяких разведчиков, контрразведчиков, резидентов, генералов нашей разведки. У нас создалось впечатление, что вы очень хорошо знаете суть оперативной работы. Откуда это у вас?»

Я без всякой паузы: «Так я ж у вас сидел 17 лет». Гробовая тишина. Все ж таки семьдесят четвертый год, как-то не принято было тогда говорить о подобном. И такая пауза возникла, что я подумал: «А как же ужин?» Однако все состоялось. Только чекист за столом спросил: «А что, действительно это так?» — «Кто-кто, а вы-то об этом должны были знать».

Я помню чудные мгновенья...

Телефонный звонок из Питера. Приглашает почтовое ведомство выступить на 280-летию петербургской

почты. И — надо же! — в тот же день еще одно приглашение из Питера, на то же время. Пригласил начальник тюрьмы «Кресты». Выбрал почтовиков, объяснил: «Поскольку я в «Крестах» уже гостил в 1938—1939 гг., то предпочел приехать сейчас к вам».

Вспомнил 39-й год. Тюрьма «Кресты». Один палач сменил другого (Ежова погнали, пришел Берия). Но создалась видимость, что новая метла будет мести по-новому, более справедливо. Кое-кого стали вызывать на переследствие. Вызвали и меня. Через какое-то время ведут к врачу.

Тюремный врач — роскошная женщина, молодая, красавица, влюбленная в себя. Эдакая царевна. До сих пор ее иногда во сне вижу. По совместительству она же и жена начальника тюрьмы. Обращалась ко мне, конечно, на «ты».

— Ну, показывай, где у тебя увечья, переломы. Я говорю: — Вы вчерашний день ищите, доктор! Ничего этого, слава Богу, нет. Что было — заросло как на собаке.

— Да ты не нервничай, все, кто тебя бил, сидят. — А мне легче, что ли? Они сидят, но и я сижу. — Это хороший признак: раз приговора нет, значит, не знают, что с тобой делать. Может быть, на волю скоро выйдешь. В крайнем случае поедешь лет на пять на Камчатку. Там апельсины растут! Через какое-то время с одним зэком в камере случился припадок. Стали стучать в дверь, звать врача.

Парень проводил девушку до дома. Она говорит: — Если хотите, зайдем ко мне, чайку выпьем. Он отвечает: — Хорошо, только я сначала в аптеку сбегаю, что-нибудь куплю к чаю.

Прислал Ф. КОНОНЕНКО,
г. Калуга.

— Папа, сходим вечером в цирк?
— Некогда, сынок.
— А ребята говорят, там голая тетка на тигре скачет!
— Ладно, пойдем, я давно тигров не видел.

Прислал И. АРАПТАНОВ,
Татарстан.

АНЕКДОТ С БОРОДОЙ

— Очень.
— Совсем плохо, надо бросить.
— Партия требует — брошу!
— Ну а если партия потребует — жизнь за нее отдадите?
— Запросто! На кой черт мне такая жизнь!

Прислал А. ДАНИЛЮК,
Кемеровская область.

— Что такое «очередь»?
— Социалистический метод подхода к прилавку.

Прислала Н. ШИНКАРЕВА,
Беларусь.

Один еврей спрашивает другого:

— Слушай, Абрам, а кто такой Карл Маркс?
— Это человек, который избавил нас от цепей.
— Абрам, а разве у нас были цепи?
— А ты не помнишь — у меня на жилетке была такая золотая цепочка?

Принимают мужика в партию. Спрашивают:

— Курите?
— Да.
— Нехорошо, надо бросить.
— Партия требует — брошу!
— Пьете?
— Да.
— Нехорошо, надо бросить.
— Партия требует — брошу!
— Женщин любите?

Явилась она, когда все уже кончилось, запашистая, как дендрарий.

Я сидел, бубнил какие-то стихи. Услышала, спрашивает:

— Стишки читаешь?

— Да.

— Ну прочти мне.

А мне вожжа под хвост попала:

— Читать с выражением или как?

— С выражением.

Я читаю: «Когда, любовью и негой упоенный, Безмолвно пред тобой коленапреклоненный, Я на тебя смотрел и думал: ты моя...» (А сам: «Господи! Да что ж это я такое делаю? Они же сносят меня в кондее».) И замолчал.

— Ну, что замолчал, читай дальше.

Так я «Желание славы» до конца и дочитал. Она завороченно смотрит на меня.

— Ты, что ль, написал?

— Ага. Вместе с А. С. Пушкиным. В следующий раз обязательно сочини и для вас что-нибудь.

— Только не забудь.

— Не забудьте вы прийти.

— Я никогда ничего не забываю.

— А винегрет?

(У меня начиналась цинга, и я как-то попросил выписать винегрет. Она обещала, но и только...)

— Ну-у, в конце концов я одна, вас много — забыла. Ладно, будут тебе носить рыбий жир. Только сейчас весна, он портится... С осени начнут носить...

Ничего себе, перспектива! Щедрая ты моя, думаю, пророчишь мне тюремную весну, лето и осень...

Перед 1 мая опять пришла:

— Ну, сочинил?

— Сочинил. Слушайте.

Пришла весна. На север потянулись гуси,

А я все жду ее. Но тщетно — нет,

И не дождусь я той Маруси,

Что носит в чаше винегрет.

«О милый друг, не плачь,—

Сказал тюремный врач,—

Взамен получишь жир рыбыцы,

Но, правда, когда птицы

От севера потянутся на юг».

Последняя встреча с ней состоялась в приемной кабинета начальника тюрьмы, куда нас вызвали «за зарплатой» — расписаться в постановлении Особого Совещания. Я получил свои 5 лет. Не вспомню уж, что мне инкриминировалось по ходу следствия, но на Север я поехал как полноправный американский шпион. Итак, расписался где надо, вышел... В дверях стоит она.

— Ну, как дела?

— Все так, как вы сказали. Только не Камчатка, а Колыма.

— Ничего, вся жизнь впереди.

Вытащила из стакана с ромашками один цветок.

— На, держи, поэт, на прощание!

Когда ромашка замусолилась и стала вянуть, я решил погадать: «Вернусь не вернусь, вернусь не вернусь». Последний лепесток был «вернусь». Хоть маленькая, но надежда.

И вот... живу.

Я пил за Стали... славского

Грузины пригласили меня на полувековой юбилей своего кинематографа. Я с удовольствием поехал, поскольку люблю грузинское кино. Использовали меня как милиционера из «Берегись автомобиля». Я выезжал на мотоцикле на сцену Дворца спорта. Встретили меня хорошо, бурно аплодировали... За кулисами ко мне подошел режиссер всего этого праздника Котэ Махарадзе:

— Слушай, Георгий, видишь, как тебя грузины любят?! Послужи еще! Вот сейчас будет номер «Реквием» в честь Михаила Геловани, фрагменты фильмов пойдут. Зажжется Вечный огонь, пестой в почетном карауле с Отари Коберидзе...

Мы встали у Вечного огня. За спиной экран. И вдруг начались невероятные крики, овация. Что там такое происходит на экране? Стоим-то по стойке «смирно», вернуться нельзя.

Когда все кончилось, за кулисами я спросил:

— Что происходило-то?

Аптекарь вводит в курс дела молодого практика:

— А из этой бутылки мы наливаем, если рецепт совсем неразборчивый!

Мальчики из 3-го «А» пишут девочкам из 3-го «Б»: «Приходите сегодня вечером в парк. Будем целоваться». Девочки отвечают: «Если только целоваться, то пишите в 1-й «А!»

Одесское кладбище. На гробовой доске эпитафия: «Ну что, профсоюзники, теперь поверили, что я болел?!»

Прислала Н. ИГНАТЕНКО,
г. Ростов-на-Дону.

— А там, — говорят, — на экране показывали Геловани в роли Сосо, Хозяина.

Думаю, этого еще не хватало, меня — с моей судьбой! — заставили стоять у Вечного огня палачу. Обозлился, поганю на душе стало. Рванул с горя в буфете за кулисами стакан коньяку.

Но на этом мои злоключения не кончились. В конце вечера Котэ подошел ко мне.

— Георгий, спасибо, ты очень большое дело сделал. И мне поручено привести тебя поужинать в один хороший дом.

Поначалу было пристойно, хорошо, а потом началось...

«За лучшего друга кинематографистов! За великого Сосо! Встать! До дна!»

«Да что ж это, — думаю, — происходит? Покою нигде нет!»

Попытался вмешаться — нет, говорят, жди, когда алаверды будет, тогда можно. Наконец встал и говорю:

— Ответьте мне на вопрос: настоящий грузин кровную обиду прощает или нет?

— Не-е-ет!

— Так вот, настоящий русский тоже не прощает. Дело в том, что в свое время трагическую роль в моей судьбе сыграли три грузина — Сталин, Берия, Гоглидзе, начальник ленинградских чекистов. Благодаря этим лицам я провел 17 лет в тюрьмах, лагерях, ссылке. А сейчас вынужден пить в память одного из них. Но я этого не хочу! Я встал, чтобы сказать вам:

когда вы пили за Сталина, я пил за Ленина.

Веселье сразу кончилось, все встали из-за стола. Возвращался домой с приятелем. Говорю:

— Гиви, ты извини меня, ради Бога, что так получилось. Иначе не мог. Сколько можно?!

— Ничего, ничего, все правильно. Только скажи мне одно: ты действительно пил за Ленина?

— Да нет. Это сказано применительно к данной ситуации и к данной компании. А вообще-то я в таких случаях всегда пью за Константина Сергеевича Станиславского.

В. СУМАРКОВ, г. Тула.

С офицеров денег не беру

В «Берегись автомобиля» снимался с удовольствием. Без особого напряжения, балуюсь, импровизирую.

Однажды пережидали солнце (эпизод начинали снимать в непогоду) на Внуковском шоссе. Сидели в автобусе настоящие гаишники, которые помогали перекрывать движение, члены группы. Что делают артисты, когда съемок нет? «Соображают». А где деньги? Я встал и говорю: «Сейчас вам заработаю деньги».

Вышел в форме на трассу, стал останавливать машины, которые, как мне показалось, нарушают правила. Быстро собрал нужную сумму. Особенно не лютовал. С одного подвыпившего морского офицера, ехавшего с женой, денег не взял, смилостивился. Отослал на обочину спать. Все выглядело достойно.

Кстати, многие воспринимали меня как настоящего инспектора ГАИ. Не верили, что я актер.

Столь же прочно я врос в шкуру Зарокова-Тульева. Ведь съемки длились почти двадцать лет — привык.

Смешно: на одну из первых съемок я привел свою дочку Юльку, она еще в школу не ходила. А в последней серии «Конец операции «Резидент» она уже играла Галю, двадцатилетнюю дочь профессора. Все эти годы я так и жил в шкуре резидента.

Не берусь предугадать, выпадут ли такие роли сейчас. Но играю с удовольствием в спектакле «На золотом озере» в театре имени Моссовета, снимаюсь в «гаишном» фильме о беспределе на дорогах. А перед этим «водил экскурсию» по Колыме, снявшись в публицистической ленте Би-би-си.

Очную ставку с «Резидентом» провел Евг. ОБУХОВ.

М. КУЗЬМИН, г. Самара.

НА КОНКУРС «ЕЩЕ СМЕЕМСЯ»

Л. ФИШЕР, г. Гамбург.

В. СЕМЕРЕНКО, г. Санкт-Петербург.

— Прошу прощения, но все печали врут. Мой друг, послушай, не сочти за труд, Я объясню...
А он, с усмешкой глядя,
Так говорит:
— А не пошли б вы, дядя?... —
И кратко объясняет мне маршрут.
— Пошел бы, — говорю. — С чего бы не пойти?
Но я боюсь, что ты, при всей своей бравате,
И сам идешь туда, куда меня справадил:
В такой тоске куда ж еще идти?
А значит, нам с тобою по пути.
Так вот, послушай. Ситуация проста.
Ты, вижу, с девушкой поссорился случайно.
Что будет дальше, для меня не тайна.
Она простит тебя. И завтра вот у этого куста
В знак примирения сольете вы уста.
Потом... Потом ты женишься на ней.
Пеленки, детский визг...
Потом увянет красота ее, а ты нальешься соком
И вдруг увидишь повзрослевшим оком,
Как много было в жизни женщин и девиц.
И ты подумаешь, слегка уже седой:
«Ведь я мог выбрать ту... А может, даже эту!...»
И станет жаль тебе, что ты поверил не поэту,
А глупостной печали молодой.
Запомни, друг: печали врут всегда.
Кто предается им, тот жизнь не выбирает.
А кто не предается, тот душою умирает
И, как ненужный хлам, влачит свои года.
...О чем бишь я?... Ах да — печали врут.
И я, брат, вру, поскольку я печален.
Склероз...
Послушай, ты куда послал меня вначале?
Напомни, братец, не сочти за труд!

Сколько родственников; Боже мой!
Краткость, к примеру, — сестра таланта.
А повторение — и того лучше: мать учения.
Нырнул себе в одну речку однажды — и плыви по течению.
Не успел состариться, ан сделался Данте
(Если слово «сделался» выбросить,
получится шутка: «анданте»).

Итак, значит, живу, сочиняю книжицы,
Владаю в детство, стареют кости.
Повторений масса, а ученье что-то не движется,
Да и краткость своего сиятельного братца
Никак не заманит в гости...
Ах, поговорки-поговорки!

Сколько мудрейшего опыта.
В них, как в пакетики, для удобства расфасовано!
Но я тупица, и мудрость, которая не мною добыта,
Ничему научить меня не способна.
Вот, скажем, «Не плюй в колодець». Ладно, не плюю.
(Некоторые, видно, плюют — дикий народец...)
День не плюю. Год не плюю...
Все хорошо, но какого черта я у этого колодца стою?
Что это за занятие такое — не плавать в колодець?!
Плюнул, пошел. И опять напоролся, как сивый мерин:
Написано: «Не уверен — не обгоняй!»

Многозначительно и кратко.
Ну а если я не уверен в том, что я не уверен, —
Обгонять или нет? — вот ведь в чем вопрос
и даже, если хотите, загадка!
И так без конца, без конца и без конца...
Правда, из меня самого иногда бьет фонтан
Довольно-таки народной мудрости высокого сорта.
Приведу примеры.
«Общенья мне — и вас издам».
Или: «Человек звучит гордо,
если у него не противная морда»...

Это я пессимист? Да ты что — упал с парашю?
Я вот и жить хочу вечно.
Правда, никто меня об этом не спрашивал.
А уж как я люблю свою великую
родину! —
До одурения! — Ее колбасу, науку, религию,
Сморозину,
Ее огни, добываемые трением...
Нет, глубоки корни моего оптимизма, ох, глубоки!
То есть до того, что где-нибудь в штате Айова,
Проросшие Землю насквозь,
они выбиваются, как некие говорящие ро
— Эй, кум, почем мука?
Здорово!
Ну как вы тут, мужики?..
А они как один улыбаются и говорят:
— Здорово!
Это дает большой импульс.
Другое дело, что с этим вышеописанным корнем —
забот и забот.

То его землетрясением дернет,
То обрызгает ядом какой-нибудь хреноперерабатывающий завод
Но ничего, живу. Иногда впадаю в безысходную печаль
И кушаю мелко, зато дышу крупно.
И что я тебе под конец скажу,
хотя бы на тот же мотив «Сулима»
«Я могилу милой искал»...
Н-да, я, конечно, оптимист средней руки.
Средней. Что, поверь мне, тоже не так уж легко.
А каково же большим оптимистам?
Трудно им, ты прав. До чрезвычайности трудно.
И, может быть, именно потому
уж так оно получается,
Что самый большой оптимист
От самого большого пессимиста,
По сути дела, не отличается.

И. ЛЕВИТИН, г. Самара.

П. КОЗИЧ.

— Владимир Владимирович, с приездом! Вы, как всегда, на несколько дней? Ну, раз нет времени вызвать вас на фехтовальный поединок с соблюдением формальностей — давайте скорее к барьеру. Привезли из Америки историю или анекдот?

— Их у меня масса. Но американской аудитории люблю рассказывать такой: собрали международный симпозиум, на котором решили определить национальность Адама и Евы. Англичанин говорит: «Безусловно, они были моей национальности, так как только английский джентльмен согласится покинуть рай из-за заблуждений любимой женщины». «Нет, — отвечает француз, — стоит ли спорить, что лишь французы, несмотря на угрозу изгнания из рая, могли все отдать ради любви». Тут поднимается русский: «Все это, конечно, очень интересно, но у меня есть доказательства, что они были русскими. Во-первых, у них было на двоих только одно яблоко. Во-вторых, очень напряженно с одеждой. А в-третьих, они думали, что живут в раю».

— Где лучше и охотнее смеются — у них или у нас?

— Чувство юмора у англоговорящих народов очень развито. Но это юмор поверхностный, нефилософский. Наша аудитория мне нравится тем, что она более страстная и темы у нас более серьезные. За океаном все эти ток-шоу в основном крутятся вокруг вкусовых вопросов — личных-личных. Что-то вроде общественной исповедальни. Каждый говорит о совершенно невероятных интимных вещах, причем на всю страну, и чем страшнее, тем лучше. Это могут быть мужья, которые спали с дочерьми своих жен от первых браков. И ведь сидят, рассказывают, а все слюни пускают. Это привлекает больше зрителей, а от количества зрителей зависит стоимость рекламы. К счастью, мы пока не дожили до этого.

— А доживем?
— Идем к тому.
— А вас не тянет и российских зрителей побаловать этаким клубничкой?

— Я не против того, чтоб рассматривать вопросы половой жизни, но не

в смысле копания в чем-то. Почему бы не поговорить о лицемерии, которое существует? Делать можно все что угодно, а вот говорить об этом нельзя. Пока мне удастся создавать передачи на серьезные темы.

— Что вам не нравится в нашей аудитории?

— В Америке проще, там люди знают, что говорить надо немного — уклады-

Владимир
ПОЗНЕР:
«ПУСТЬ
НЕ УЧАТ
МЕНЯ
ЖИТЬ

вайся во временные рамки. Наши же любят изгагать «от Адама». Это делает передачу более скучной.

— Вот-вот. Мы с вами тоже начали «от Адама»... Давайте-ка пофехтуем порезвее. Акционером каких компаний вы являетесь здесь и «там»?

— Я нигде не являюсь акционером.
— Не ожидал. Все-таки вас знают как проповедника американского об-

О ПОЛЬЗЕ ПУТЕШЕСТВИЙ

Вот, скажем, взять в Аддис-Абебе —
Вполне приличный городок, —
Идешь пешком или едешь в кэбе...
Вдруг видишь — доктор. Или — док.
Ты говоришь:

— Здорово, док!
А он в ответ дает гудок.
В трущобах там живет народ,
А богачи, наоборот,
Кончают жизнь самоубийством
Иль занимаются витийством,
Наркотик полагая в рот.
А взять табак... Зачем курить —
Чтоб мрачный рок в себе творить?
Нет, мир еще недоустроен.
Вот, скажем, нет чикагских боен.
Куда пойдет чикагский бой
(Имею мальчика в виду),
Где он закупит субпродукты,
Чтоб уластить свою еду? —
Нигде...

А вы, читатель мой,
Сидите дома, пьете пиво.
Довольно это некрасиво,
А уж тем более весной.
Пора, пора — петух поет.
Вперед, приятель, ноги в руки!
Взмахните органом разлуки,
Раскиньте руки — и в полет!
Под вами Африка внизу, —
Такая смуглая девица,
Что посмотреть и удивиться —
И то навар.
А бег австралийский,
Что предлагает вам игру
С названьем кратким — кенгуру!..
А зубья хищных небоскребов,
Что смотрят в небо или в небо!..

А парижанки без трусов,
Что создают канву стриптиза!..
А Санта-Клаус, Мона Лиза,
А файфоклоки в пять часов!..
А?!

Господи, как можно жить,
Не видя свет в различных видах,
Земли не слыша вдох и выдох,
Не чуя рас переживанья?
О друг, оставьте свой компот,
Взмахните органом желанья,
Раскиньте руки — и в полет!
На месте счастья не найти.
Вперед, счастливого пути!
И дай вам Бог, чтоб те края
Вам то и это показали:
Фиорды, заросли азалий, —
Все то, чего не видел я,
Живя там, словно на вокзале,
И нетерпенья не тая.
Один летит — где покруживей,
Другой — где оргии в дыму...
А я весной лечу в Россию
И сам не знаю почему.
Что дым отечества?

Дышать
Полезней волей, а не дымом.
Но я люблю на поле дынным,
Раскинув руки, полежать
И, облака считая в небе,
Вкусить причудливый рассказ,
Как некто жил в Аддис-Абебе,
Где все иначе, чем у нас.
Люблю внимать огню речей —
Вот-вот экзотикой задавит! —
И думать:
Как все совпадает,
За исключением мелочей...

раза жизни, а как при этом без
акций?... Вы что же, против всех
этих приватизаций и прочих начи-
наний?

— Без этого не обойтись. Но у нас
в России часто в основе новаций — об-
ман. А народ воспринимает как долж-
ное. Вы посмотрите, мошенник пообещал
вернуть деньги, и его за это вы-
брали в Думу. Так и вспоминается фраза

— С недоверием. К любым. Люди,
рвущиеся к власти, или имеют это само-
целью, или знают, как мне надо жить.
А это уже не привлекает.

— Помните, вы не боялись под-
пускать властям шпилек...

— Например, весной девяносто пер-
вого года я позволил себе высказаться
критически по поводу Горбачева и по-
ложительно по поводу Ельцина. И тут
же мне было сказано: «Мы не уверены,
что в Гостелерадио для вас есть место».
И я, продумав сутки, согласился: они
правы. И написал заявление об уходе.
Потом были всякие уговоры, обещали
конт-бланш. Но я не затем подавал за-
явление, чтобы тут же вернуться.

— Зато благодаря этому случаю вы
теперь в Америке...

— Да, вскоре я получил предложе-
ние Фила Донахью. И уехал. Хотя
очень сожалел, что не мог быть на
нашем экране. Контракт я подписал уже
там.

— Не кажется ли вам анекдотичной
ситуация, при которой вы летаете
с континента на континент, чтобы сде-
лать передачи и тут, и там?

— Скорее это необычно.

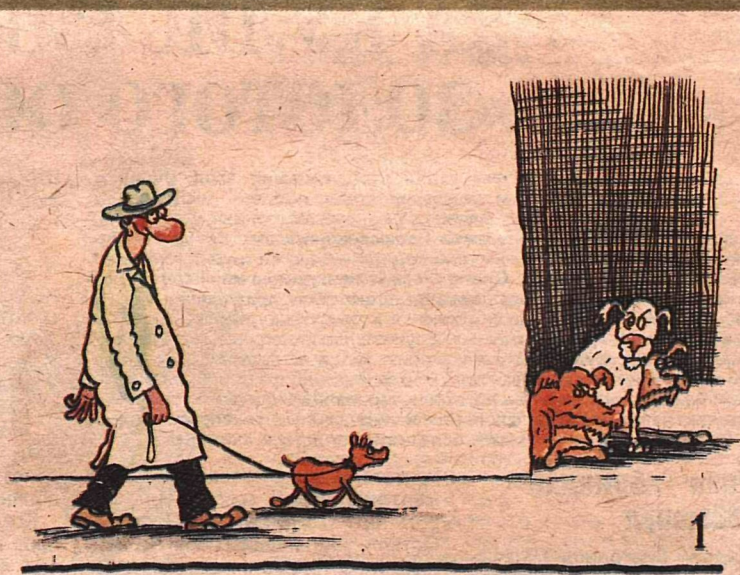
— Владимир Владимирович, роди-
лись-то вы в Париже и в Америке вон
сколько времени проводите. Возвра-
щаясь в Россию, вы хоть чувствуете,
что прилетели домой?

— Мой дом здесь. Без малого сорок
лет тут прожил. Другое дело, что за
годы перестройки и постперестройки
очень многие мои друзья уехали. Дочь
живет в другой стране, сын работает
в другой стране. Друзья не вернутся ни-
когда. Я это очень тяжело переживаю.
А Америка... Ну, представьте, что это
работа на корпункте, возможность зара-
ботать.

— Приезжаете в Россию, отвыкнув
от нее, или, наоборот, с обостренным
восприятием?

— Вот ребенок растет с вами рядом,
вы не замечаете роста. А если месяца
два его не видели, то восклицаете: «Ой,
как же ты вырос!» Да, отъезды хороши
тем, что дают возможность увидеть
страну ярче, взглянуть на нее свежим
взглядом.

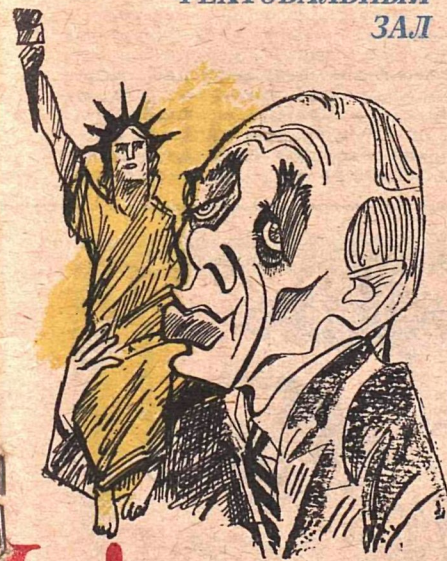
— Ну и как наш «ребенок» на
свежий-то взгляд?

В. НЕНАШЕВ

В. НЕНАШЕВ.

ФЕХТОВАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Б!»

Ильфа — «Страна непуганых идиотов».

— Многих уже напугали. Да поздно-
вато...

— И не жалко. В основе их харак-
тера — алчность, желание не зарабо-
тать, а хапнуть деньги. Это есть и в
других странах, но там есть и стремле-
ние зарабатывать. Впрочем, бабушек
обманутых жалко...

— Как вы относитесь к властям?

— Растет. А при росте возможны вся-
кие проблемы. Однако для меня совер-
шенно очевидно, что примерно с августа
прошлого года остановился процесс па-
дения и даже начался некоторый
подъем в России. А ведь было время,
когда казалось, что «малыш» все
больше хиреет.

— Ваши выводы связаны с...

— С экономикой, конечно. Как ни лю-
бят сейчас ругать Маркса, а сказано-то
верно: в основе всего — экономика.
И самочувствие человека определяется
комфортностью бытия, а комфорт-
ность — категория экономическая. Есть
ли хлеб и что-то еще на столе и будет ли
завтра? Детям твоим будет завтра
лучше, чем тебе? И так далее — вот
в чем суть.

— А отдыхать-то вам где comfort-
нее, на каких мальорках и канарах?

— Да тут, в средней полосе. Чтобы
не потерять некое костное чувство...
Ну, понимаете, страну можно воспри-
нимать головой, а можно чувствовать
кожей...

— Глядя ваши, без сомнения, инте-
ресные передачи, так и хочу спросить
словами героев известной сказки: «И
кто же это все придумал?»

— «Мы». Есть команда, которая де-
лает программу «Мы», а во время моих
приездов садимся и обсуждаем все те-
кущие дела, идеи. Хотя, конечно, ре-
шающее слово за мной.

— Что-нибудь веселенькое, не-
обычное случается в «Мы»?

— Веселенького не припомню, а вот
необычное... Делали мы передачу
о соотношении армии и общества
в стране, пригласили министра обороны
Павла Грачева. Пришли другие участ-
ники. И вдруг замечаем в зале женщину
в черном, а у нее какой-то мешок. Надо

выяснить, что в мешке, все же министр
обороны будет рядом, и никогда не
предугадаешь, что произойдет. Выяс-
нили. Она принесла голову собственного
сына.

— Кошма-ар какой!

— Когда это обнаружилось, министр
обороны перепугался до полусмерти
и отказался участвовать в передаче. Но
оказалось, никаких злых намерений
у женщины не было. Сын погиб в армии,
она потребовала экспертизы, взяла для
этого голову, а потом ей вернули назад.
Боясь оставить мешок в гостинице, она
взяла его в студию... В итоге все-таки
мы сумели уговорить министра обороны,
героя Афганистана, поучаствовать
в съемках.

— Н-да-а... Сразили на месте. В Аме-
рике что-то такое же, ну... необычное
было?

— В Америке подобного не было.
— Программе «Мы» исполнился
год. Вы считаете, что в таком нежном
возрасте она уже научилась выпол-
нять поставленные задачи?

— Смысл передач — рассматривать
темы, касающиеся всех, а также застав-
лять людей не быть пассивными. Потому
что никакая демократия не будет рабо-
тать при пассивности населения. Иное
дело, если есть царство какое-то, есть
царь-король и за тебя все решают. Но
я не сторонник такого образа жизни.

— Спасибо, все было достаточно
познавательным. Вот теперь давайте
и пофехтуем... Куда же вы, Владимир
Владимирович? Как, уже улетаете
в Америку? Ну, шпаги в ножны,
и счастливого пути!

Появился с холодным оружием
на взлетной полосе
Евг. ОБУХОВ.

ЗА КУЛИСАМИ «ЗОЛОТОГО ОСТАПА»

Фестиваль этот, ставший традиционным и международным, подобен айсбергу: на поверхности — торжественные церемонии, концерты «звезд», веселые заседания Профессионального клуба сатириков, турниры, премьеры и приемы; «под водой» — тяжкий труд организаторов, проблемы, «узкие места»... Словом, все те невидимые миру слезы, без которых не было бы и веселого смеха на подмостках праздника.

За скобками «Золотого Остапа» остаются и десятки курьезов, экспромтов, забавных историй, рассказанных, случившихся, сыгранных в три фестивальных дня за кулисами концертных залов и театральных сцен, в гостиничных буфетах и в автобусах... Это фольклор праздника, порой не менее самоценный, чем тщательно отрепетированные сценки и репризы. Жаль, что никто не фиксирует эти перлы и жемчужины, что, впрочем, одно и то же. Разве что молва сохранит, обратив в легенды и сказания...

Как Резо Габриадзе кота обманул

Все видели благодаря ТВ торжественную и веселую церемонию открытия на Фонтанке памятника тому самому чижика, который именно здесь, как утверждает широко известная песенка, распивал некогда спиртные напитки, пренебрегая закуской, чем и обессмертил себя. Но мало кто знает, какая удивительная история приключилась с тезкой знаменитого чижика буквально за несколько часов до открытия монумента пьющему пернатому.

Должен сказать, что грузинский писатель, художник и кукольник Резо Габриадзе, работая над увековечением петербургской птицы, сделал много ее вариантов в разных материалах. Я был свидетелем того, как накануне он подарил малюсенького, словно колибри, керамического чижика Белле Ахмадулиной, оказавшейся в те дни в городе на Неве. Еще одного чижика Резо включил в экспозицию своей выставки, организованной в музее Анны Ахматовой. И не просто включил наряду со многими блестящими скульптурами и рисунками, а заключил между рамами окна, поставив рядом с чижиком соответствующего размера рюмочку.

С первыми посетителями выставки в зал вошел живущий при музее кот. Он не спеша оглядел стенды и витрины, потерся спиной о ножку рояля и тут заметил в окне птицу. В два прыжка добравшись до окна, кот ударил лапой в стекло, пытаясь достать чижика, мирно сидящего у полной стопочки. Тот не шелохнулся. Зверь рассвирепел, оглушенный наглостью незваного гостя, и не уцелеть бы стеклу, если бы не унесли ошалевшего кота под хохот и аплодисменты посетителей.

Этот эпизод явился замечательным прологом к открытию памятника бронзовому чижика, который стал, пожалуй, самым

трогательным и веселым монументом великого города. И подарил его Петербургу «Золотой Остап», вовлекший в свою орбиту людей не только остроумных, но и деятельных. Ибо возведение памятника — дело государственное, требующее недюжинных усилий.

А чижика сделали поистине шутя.

Эльдар Рязанов: «Ноу смокинг...»

Тема смокинга в последнее время часто звучит в нашей прозе и поэзии, поскольку страна осуществляет ускоренный марш-бросок от социализма к капитализму, возрастает, как говаривали в былые времена, новая аристократия, которая не мыслит своего существования без смокинга, фрака, презентаций...

Более актуальной проблема парадного костюма стала и в среде творческой интеллигенции. Редкая тусовка (термин совковой аристократии) обходится без ряженных в смокинги и смаивающих на начинающих кельнеров знаменитостей. Впрочем, иным платье сие вполне к лицу, а не только по карману...

Не был в этом смысле исключением и «Золотой Остап». На церемонии награждения лауреатов фестиваля в Большом концертном зале «Октябрьский» элегантные «бабочки» порхали по фойе. Однако наиболее именитые гости праздника были в весьма заурядных парах и тройках.

— А чей-то вы не в смокинге? — спросил я Эльдара Рязанова. — Недавно мы наблюдали вас в нем по телевидению. Весьма к лицу.

— Так я его специально для передачи и построил, — ответил Эльдар Александрович. — Сюда же брать не рисковал. У меня, знаете ли, со смокингами сложные отношения...

До начала церемонии оставалось еще достаточно времени,

чтобы выслушать забавную историю из уст знаменитого комедиографа.

— Перед поездкой на кинофестиваль в Монако меня предупредили, что участников будет принимать принц, поэтому необходимо взять с собой смокинг. У меня же, естественно, ничего подобного не было, и я попросил, чтобы мне подобрали смокинг в костюмерной «Мосфильма». Там пообещали и перед отъездом действительно вручили мне довольно увесистый пакет.

Когда в Монте-Карло пришла пора идти во дворец, я распаковал багаж и обомлел: мне положили бутафорский фрак, сделанный чуть ли не из войлока.

Что делать? Картина моя, как на грех, первый приз получила, не идти нельзя! Ну, надел рабочий костюмчик и айда к принцу и принцессе. Помните такую Грейс Кели? Да, да, актриса, «звезда» и принцесса одновременно.

...Народу вокруг нас собралось изрядно, телевидение пристроилось. Кто-то из слушающих спросил Рязанова:

— Ну и как, пустили вас во дворец?

— Конечно, — улыбнулся Эльдар Александрович. — Народ там интеллигентный, сделали вид, что не заметили. А вот в Америке в подобной ситуации я сам на свой промах внимание присутствующих обратил.

Опять был фестиваль, опять прием, опять подавай им смокинг. В Москве я шить его не успел, мосфильмовским больше пользоваться не хотел — рискованно. Решил, что закажу в Нью-Йорке. И там не успел. Пришлось идти на церемонию в костюме, да еще в светлом.

Между прочим, я всегда за рубжом стараюсь говорить на языке той страны, в которой нахожусь. Английского между тем не знаю. А потому спрашиваю у приятеля, как сказать по-английски, что я белая ворона среди всех этих смокингов. Он отвечает, что в английском языке такой поговорки нет и меня никто не поймет. Надо назвать себя черной овцой, а звучит это так...

В общем, заучиваю, прихожу, говорю, что я черная овца, и вызываю веселый хохот, ибо мой светлый костюм особенно «монтируется» с цветом овцы.

Такие вот дела у меня со смокингами. Поэтому и не взял с собой — боялся снова что-нибудь перепутать...

К концу рассказа его слушала уже целая толпа. И это тоже был «Золотой Остап», ибо где еще можно вот так запросто послушать веселые байки самого Рязанова.

Я спросил у Эльдара Александровича, опубликованы ли эти истории в его книгах.

— Нет, — ответил он, — еще даже и не написаны.

— Тогда беру их для «Крокодила», — сказал я.

Алексей ПЬЯНОВ,
действительный член
Академии Авторитетов
«Золотого Остапа».

«Ленин всегда прав...»

По склонности отстаивать свои убеждения я, пожалуй, мог бы переплюнуть вождя мирового пролетариата В. И. Ленина, как это ни кощунственно звучит. Впрочем, в наше время уже и не очень кощунственно. Пример могу привести аж из своей туманной юности. Я очень хорошо учился в школе. Был, как говорится, круглым отличником и в 10-м классе, естественно, «шел на золотую медаль». И вот сдал последний экзамен по истории. И вдруг испытанию моему железному характеру. Вопросы в билете: «Кто победил на съезде РСДРП, когда большевики и меньшевики размежевались? Чья резолюция была принята: Ленина или Мартова?» Короче говоря, кто одержал победу: Ленин или Мартов?

Для меня, воспитанного в уверенности, что Ленин всегда прав и что он всегда побеждал своих идейных противников, такого вопроса не существовало. Хотя бы даже и в экзаменационном билете. И я ответил, что победил, конечно, Ленин и была принята его резолюция.

Директор школы и учительница истории, принимавшие экзамен, стали меня вырывать и подсказывать: «Подумайте, Бунич, а может быть, наоборот...» Но сказать «наоборот» было выше моих сил. Я все равно отвечал, что была принята резолюция Ленина и победу на съезде одержал он. Мне поставили за экзамен тройку, и за свои верноподданнические чувства я в итоге лишился медали. В горю, однако, направили материалы и на тех, кого школа представила на медали, и на тех, кто мог бы их получить, но на чем-то «срезался». Меня вызвали вместе с директором школы к большому начальнику, который пролистал классные журналы и убедился, что по истории у меня, как и по другим предметам, текущие оценки были только пятерки. Он сказал, что лишить меня медали несправедливо, и предложил сделать мне переклассификацию. И надо же такому быть, что на переклассификации вытаскился тот же самый билет. И, конечно, я не смог пересилить свой гнусный характер, не мог позволить себе вернуться на 180° и, стиснув зубы, заявил: победил Ленин, и была принята его резолюция. На сей раз мне, наверное, за невиданную стойкость убеждений поставили четверку, и я получил таки медаль, правда, серебряную.

Этот сбой в движении колесиков и шестеренок, которые вращали мою судьбу, привел к тому, что я стал экономистом, хотя поступать пришел в МГУ на юридический факультет. Из-за моих неспасаемых убеждений и проволочек с получением медали я упустил время, и на юридическом факультете квота по приему медалистов без экзаменов была уже исчерпана. Мне сказали: «А вы спуститесь этажом ниже, на том факультете конкурс меньше и медалистов мало, там вы пройдете». Так все и случилось. Экономический факультет оказался моей судьбой. Там я нашел свою профессию, призвание и, кстати, свою жену, которая, по общему мнению, была самой красивой девушкой университета.

...Так что Ленин все-таки всегда прав.

Я — сын генерал-губернатора и пособник клики Тито — Ранковича

На нашем курсе мне очень не нравился один человек. У меня было интуитивное убеждение, что он подлец. Шел 1950 год, и такие субъекты были и в студенческой среде. Я решил установить это достоверно. Как-то на первой лекции я подсел к нему, затеял разговор, в котором ввернул, что я сын цар-

Этот рисунок один из первых лауреатов «Золотого Остапа», питерский карикатурист Виктор Богорад, сделал специально для «Крокодила».

А. ВАСИЛЕНКО.

Павел БУНИЧ

О ВРЕДЕ «ХОРОВОГО ПЕНИЯ» В ВЕРХАХ

ского генерал-губернатора. С третьей лекции меня уже вызвали «с вещами» в комитет комсомола МГУ. Я побежал туда радостный, вприпрыжку. И говорю Коле Шишкину — секретарю комитета: «Я знаю, кто вам сказал, я вычислил подлеца». А сам смеюсь и радуюсь. Однако Коля Шишкин заявил, что веселюсь я рано и зря, что дело это серьезное и, наверное, для меня хорошо не кончится. А надо сказать, что мой отец не мог даже близко походить на какого-нибудь генерал-губернатора. «Зато» он сидел, что, конечно же, было для меня обстоятельством опасным. Не ведая этого, я, еще зеленый и небитый, ликовал и разблагостил всему курсу «по секрету», что я вычислил среди нас подлеца. Будущие экономисты, из тех, кто должен был проверить «сигнал», быстро подсчитали, что если бы какой-нибудь генерал-губернатор захотел быть моим отцом, то ему надо было иметь от роду лет пять-шесть.

Так что история эта не получила развития, зато началась новая — с югославами и Югославией. Надо сказать, что моя фамилия и родословная имеют югославские корни. Да и внешне я походил на сокурсников, приехавших учиться из Югославии. Правда, ростом отличался. Были они могучие и высокие, а я «маленький такой». Даже мое имя «Павел» по-латыни значит «маленький». Югославы меня любили и опекали, а я тянулся к ним. Но когда отношения СССР с Югославией испортились и друзья — Тито и Ранкович — стали «наймитами» и «кликой», которую без топора в руках в «Крокодиле» не рисовали, югославы-студенты вернулись на родину, а я превратился в пособника «наймитов» и «клики Тито — Ранковича». Тотчас же вузовский комитет комсомола во главе с непогрешимым Колей Шишкиным вспомнил о бдительности и в связи с этим обо мне с моим сомнительным папой генерал-губернатором. В комитете мне сказали, что я недостаточно чист со своими

кровьями, что все это непросто и скорее всего я замаскировался и скрываю свое пособничество клике Тито — Ранковича.
— Вы будете исключены из университета и больше в нем не появляйтесь, — такое резюме высказал мне Коля Шишкин.
Я был потрясен, считал, что жизнь кончена, и несколько дней пролежал на диване лицом к стене. Потом ко мне стали заходить сокурсники из тех, кто попорядочнее и посмелее, и говорят: «Все тихо, приходи в университет». В конце концов меня уговорили, и я, таясь, стал посещать лекции.

«...И всякая такая штука»

Окончив аспирантуру и защитив диссертацию, я начал работать сначала старшим научным сотрудником Научно-исследовательского финансового института Минфина СССР, а затем довольно быстро стал заместителем директора. Министрами финансов были сначала Зверев, а потом Гарбузов. Со Зверевым я проработал недолго. Помню, в мою бытность он стал доктором экономических наук. Диссертацию ему, конечно, написали «негры» и я в том числе. А вот защищать ее в МГУ он явился сам, чем несказанно удивил и обрадовал ученых совет. Как же: сам Зверев явился на защиту. Тема диссертации была такая: «Национальный доход». Один из членов совета решил даже задать вопрос, робея от собственной дерзости. Вопрос, правда, простецкий: «А что такое национальный доход?»
Ответ соискателя был такой: «Это всё и всякая такая штука». Ученый совет озадачился краткой мудростью ответа. «Всё» — для них было понятно, это и они знали, а вот «всякая такая штука» — несом-

ненно, новый вклад диссертанта в политэкономии социализма. Зверев, естественно, присвоили степень доктора. Причем единогласно. Но черный шар все-таки был. Позднее. От правительства. Кому-то не понравилось, что Зверев стал доктором наук, и его стали «щипать», да так, что он вскоре слег не то с инфарктом, не то с инсультом. А после болезни ему сказали: «Иди и занимайся своей ученой профессорской деятельностью».

С Гарбузовым у меня отношения были сложными. Работа чиновничья, аппаратная мне не нравилась. В составе бригады я писал доклады для Гарбузова о госбюджете. Но все же довольно быстро защитил докторскую диссертацию и стал самым молодым доктором наук в стране. Гарбузов же так и оставался кандидатом наук и ревниво ограждал меня от попыток уйти от него, чтобы полностью заняться наукой. Как-то академик Федоренко, директор Центрального экономико-математического института АН СССР, предложил мне перейти к нему заместителем. Я — к Гарбузову, а тот заявляет, что, пока он, Гарбузов, жив, я никуда от него не уйду. Через какое-то время у Федоренко опять появилась должность еще одного, и он опять зовет меня. Гарбузов еще более свирепеет и на коллегии министерства во всеуслышание заявляет: «Вон какой Бунич, наша работа ему не нравится, уйти хочет. Мало ли кто что хочет. Вот меня жена не устраивает, я тоже хотел бы от нее уйти, но не уйду же — терплю». Так и не отпустил, а «мои места» у Федоренко заняли теперешние академики С. Шаталин и Н. Петраков. Меня же, чтобы приструнить, Гарбузов послал на время писать какие-то экономические бумаги в ЦК КПСС. «Иди, — говорит, — и работай там на алтарь Отечества». Я поработал «на алтаре», а когда выполнил задание, попросил цеховских работников помочь мне уйти из Минфина в тот самый академический институт, куда меня не пускал Гарбузов.

Когда я уходил, он не постеснялся сказать мне при всех: «Вот уходишь в «князь» (так он называл академиком), а я здесь остаюсь. Если лишат меня работы, возьмешь к себе?» Я при своем гнусном характере брякнул: «Конечно, не возьму». Присутствующий при разговоре министр путей сообщения Бещев, который пришел выпросить у Гарбузова деньги, стал подыгрывать ему: «Ну как ты позволяешь им разговаривать с тобой?!» И «подогретье» министры обрушились на меня дуэтом.

Подкоп под социалистическую «диспетчерскую»

Как-то на пленуме ЦК КПСС было сказано, что нужно заниматься хозяйственным механизмом. До этого, как известно, у нас были административный механизм, централизованная экономика и социалистическая диспетчерская, а хозяйственный механизм ходил в подозрительных понятиях — и вдруг чуть ли не его реабилитация.

Присутствовавшая на пленуме ректор Института управления им. С. Орджоникидзе О. В. Козлова была чутка на ухо и на нос. Она предложила мне открыть в институте кафедру хозяйственного механизма, первую в стране. Я собрал очень хороших ученых, и еще в недрах застоя мы стали разрабатывать основы хозяйственного механизма в нашей стране, а если говорить более точно и определенно — рыночной экономики. Этими проблемами я занимаюсь и сейчас, рабо-

Стр. 14

Петр ГРАДОВ

Крокодил поздравляет своего давнего автора, ветерана войны, с 70-летием и желает ему новых поэтических озарений!

ТАМАДА

Вопрос о нем решен был просто — мы честно разделили труд: он — только произносит тосты, а остальные — только пьют.

и я не возмущаюсь их любовью: всегда своя картошка в доме есть!

Уже и годы набегают вроде, но Оле не грозят они бедой. Пока она при нем — при огороде, ей просто суждено быть молодой!

ЗАГРАНИЧНОЕ КИНО

Машина. Яхта. Автомат. И дальше все, как водится: погоня, выстрел, мимо, мат. Но мат не переводится.

ПАРАШЮТ

Когда получаете вы парашют, инструкцию точную сразу дают: — Вот слева кольцо. Надо дернуть, и тут в полете раскроется ваш парашют проверено все многократно. Но если же он не раскроется вдруг, за правое дернуть придется, мой друг. Оно запасное. Понятно?

— А вдруг не раскроется он и тогда, ведь может случиться такая беда? — спросил я, почти невменяем.

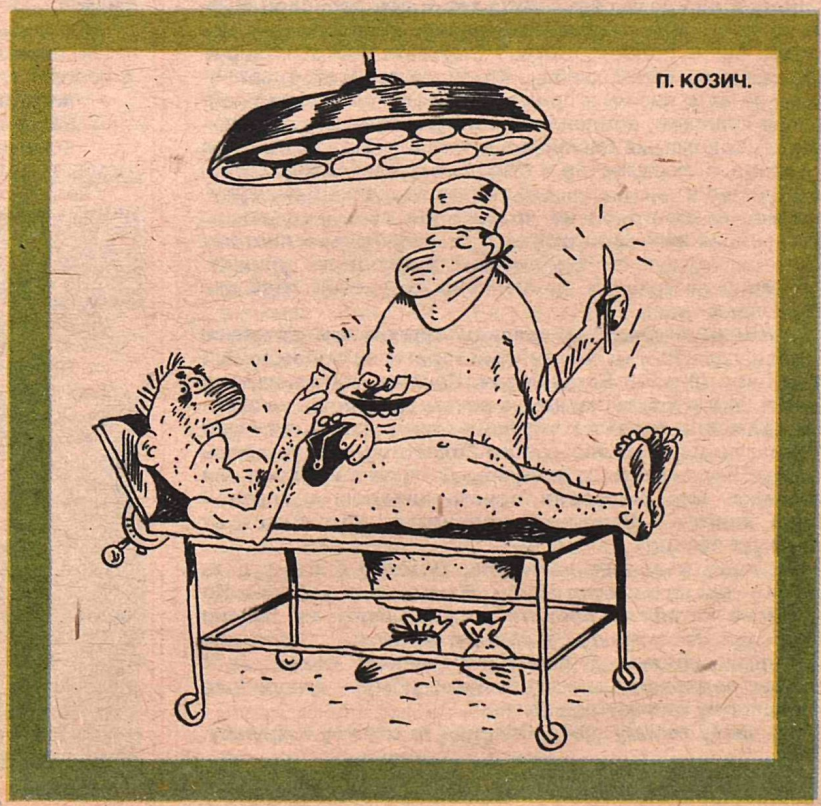
— Ну, если откажет второе кольцо, тогда неисправность уже налицо. Зайдите, и мы обменяем.

НОВЫЙ СОПЕРНИК

Соперники мою тревожат душу, от них покоя нет не первый год. Могу ль забыть я песика Никушу? Теперь соперник новый — огород!

Недешево для той жены-красотки обходится мне этот огород: то выложи пятац тысяч за две сотки, то торф, навоз, теперь — водопровод.

Жену я не ревную к Подмосквово, ведь выгод от него не перечесать,

П. КОЗИЧ.

Анатолий

Добрый друг

Высокий, насмешливый, голубоглазый блондин. В профиль похож на Вольтера, изваянного Гуденом. И не только в профиль, и не только в мраморе. Блистательный сатирик. Дуаин нашего фельетонного цеха.

А начинал поэтом. Когда донецкая городская газета опубликовала первые его стихи, автору было четырнадцать годков от роду.

Через семь лет солдат Лиходеев в степи под Новороссийском храбро отстреливался от наседавшего вермахта и соответственно получил медаль «За отвагу».

А еще через пятнадцать, когда стал сатириком, в пору было награждать его за отвагу после каждого фельетона. Потому что ни разу за четыре без малого десятка лет боевого сатирического дежурства фельетонист Лиходеев не угодил «в молоко». Бил только «в яблочко». Гордо, сверху, с позиции морального превосходства.

Он как-то признался: «Сто тысяч «почему?» впадают в мое сердце крючками вопросительных знаков. Это очень больно, когда крючья впадают в сердце. Но это та самая боль, ради которой стоит жить на свете. Представляете, какое это блаженство — выдернуть из сердца очередной крючок?»

Выдергивался крючок — рождался фельетон. Фельетоны складывались в сборники. Они не нравились в идеологическом отделе ЦК, но читающая публика рвала их из рук: «Волга впадает в Каспийское море», «Мурло мещанина», «Искусство — это искусство...», «Закон и обычай»... Вышел и целый роман-фельетон «Я и мой автомобиль». Их давали друзьям, как «самиздат», они заставляли наши мозги шевелиться, они были частичей того, с чем мы шли к перестройке.

Именно она резко взвинтила темп лихоевской журналистики. «МН» требовали подвал, «Известия» — колонку, мы — полосу: «Алло? Здрасьте, метр! Говорит сантиметр из «Крокодила». Ко вчера требуется фельетон...» И метр писал, и приносил в редакцию, и пил чай, хрупая сушками, вовлекаясь или вовлекая нас в безумные несончаемые дискуссии о приватизации и золотом червонце, о фермерстве и стихийном рынке. Иногда исподтишка поглаживал через свитер сердечный стимулятор, без которого он не прожил бы восемнадцати из отпущенных ему семидесяти трех лет. Только поэтому и его вышедшую в «Библиотеке Крокодила» книжку, и премию за лучший «рыночный» фельетон года мы «обмывали» чаем.

Он ездил с нами на тряском туристском автобусе в Тверь, где некогда вице-губернаторствовал обожаемый им и нами Михаил Евграфович. Сообща мы припадали к святыням русской сатиры, а потом, развалившись на осеннем волжском берегу, слушали такую захватывающую лекцию по истории любезного Отечества, что хотелось немедленно засесть за мемуары Деникина и сочинения Бухарина. Это Лиходеев пристреливался к главной своей книге — «Семейный календарь, или Жизнь от конца до начала»...

«Во двор въезжает катафалк. Должно быть, это за мной» — так начинается роман «Я и мой автомобиль». Но в романе катафалк прикатил, чтобы взять на буксир авторский «москвичок» и раскрутить мотор. Через два с лишним десятка лет sereneмким днем похоронный автобус подъехал к лихоевскому дому — теперь уже по главному своему назначению...

Мир праху твоему, метр. Спасибо за службу и дружбу.

КРОКОДИЛЬЦЫ.

Леонид Лиходеев оставил обширное литературное наследие. В архиве писателя — рукописи последнего тома трилогии исторического романа «Семейный календарь, или Жизнь от конца до начала» (первые два тома вышли в 1990 и 1991 гг.), а также второй части сатирического романа «Средневозвышенная летопись». Остались, конечно, и записные книжки, дневники. Вдова писателя Надежда Андреевна Филатова любезно предоставила «Крокодилу» несколько набросков из записных книжек и воспоминаний о встречах с Корнеем Ивановичем Чуковским (Лиходеев и Чуковский жили по соседству в Переделкине).

МОИ ВСТРЕЧИ С КОРНЕЕМ ЧУКОВСКИМ

Рыжий и усатый Тараканище причинил множество бед зубастым и клыкастым зверям. Он их держал в страхе. Он им не давал пикнуть. Он был одновременно и Змеем Горынычем и Минотавром.

Говорят, улыбнуться перед изображением Аписа — значит дисквалифицировать его в обыкновенного бугая... Чуковский улыбнулся перед чудическим всех сказок, и оно превратилось в рыжего таракана...

Корней Иванович обнаружил гостью, когда вышел из дачи. Она сидела на скамейке, приобщаясь к атмосфере, в которой проживал гений.

Гений вышел с палкой. На нем была известная дымчатая кепочка, узенькая не по голове, промеренная сзади.

Гостья встала и истово поклонилась, как перед епископом. Он учтиво протянул ей руку, которую она обхватила обеими ладошками:

Мы бродили по переделкинским дорожкам. Воробышки сустились, ругались, делили что-то на опавших листьях. Может быть, прошлогоднее наследство.

Один воробей, шустрый и толстенький, явно выделялся среди компании.

— Посмотрите на него внимательно, — предложил Корней Иванович, — это заслуженный воробей.

— Чем же?

— Он склевал Тараканище.

Я посмотрел на птицу с уважением. В душе моей похолодело:

— Как он рискнул, Корней Иванович?

— Он не знал, что перед ним — великан. Он видел вещи такими, какими они являются на самом деле.

Воробей-прагматик чиркнул, подтверждая истину услышанных слов. Он сделал это с вызывающей горделивостью, присущей только воробьям, да и то не всем.

— Откуда же взялся страх у слонов и носорогов? — спросил я у Корнея Ивановича. — Почему они обмякли перед жидконогой козявочкой-букашечкой?

Он остановился и пристукнул палочкой по камню:

— Страх — это болезненное ощущение своей исключительности. Если каждому слону в отдельности придеть в голову, что таракан слопаёт именно его, все стадо превратится в тараканью пищу.

* * *

Он приходил в дом творчества, поднимался в номер и садился, не снимая шубы:

— Читайте новый кусок...

— Раздвесьтесь, Корней Иванович, здесь жарко.

— Если вы меня жалеете, пишите короче,

чтобы я не успел согреться.

У него было точное, предметное ощущение метафоры «пожалей читателя»...

* * *

— Вот вы все ругаете Александра Павловича, — неожиданно сказал он на прогулке.

— Какого Александра Павловича?

— А то вы не знаете! Александра Второго...

— Ну как же... Все не ругаю... Он отменил крепостное право...

— Вот видите — отменил! То есть запретил!

В России постоянно что-нибудь запрещали! А он разрешил ношение бород и курение на улицах! Вы знаете, что значило в России что-нибудь разрешить?!

* * *

Гостья прибыла в столицу с целью осмотреть царь-колокол, царь-пушку, Третьяковку и Чуковского.

Она была настроена патетически. Потому что приобщение к великим предметам делает самого приобщающегося выше и значительнее.

В этом смысле молчаливые предметы незамечены. Они безответны. Хуже обстоит дело с великими предметами одушевленными.

— Я буду всем рассказывать, что видела вас! Глаза ее горели, и огонь подтверждал истинную правду ее слов.

— Всем не надо, — мягко сказал Корней Иванович, пытаясь вытащить руку из ее крепких дланей. Для общения с царь-пушкой слов не требуется.

Общение с гением требует слов. Гостья нервно рассмеялась — ответ показался ей многозначительным.

Всякое слово гения многозначительно, даже если он спрашивает, как пройти до ветру. Державин поразил этим вопросом лицеистов на всю жизнь.

— Вы были знакомы с Блоком? — начала допрос гостья.

— Как вам сказать?... Захаживал, бывало...

— А с женою его? Правда, он ее любил больше жизни?

Гений посмотрел на гостью со слезящейся иронией.

— Как же? — воскликнула гостья. — Она же была дочерью великого ученого!

— Да, — поддержал гений. — Ее папа был автором известной таблицы Менделеева. Это была прекрасная таблица!

Он уже устал от нее, потому что едва ли он от чего-нибудь так уставал, как от восторженной глупости.

В этот день он был занят устройством традиционного чуковского костра. Он вздохнул и спросил ее в упор:

— Вы хворост собирать умеете?

— Да! — самоотверженно воскликнула гостья, как перед причастием.

— Тогда не станем терять время! Пошли!

И все пошли в лес собирать валежник.

Гостья старалась изо всех сил. При этом она не могла молчать. Присутствие гения толкало ее на высказывания.

— Дети узнают много поучительного, — возвышенно заявила она, — на таких кострах им открывается мир!..

— Разумеется, — согласился Корней Иванович. — Прежде всего они обнаруживают, что сырые дрова горят хуже сухих.

Гостья почувствовала в словах гения мудрость притчи. Она посмотрела на свой хворост. Он был сух и прекрасен. Тогда, заметив в руках у меня несколько влажных веток, она сказала назидательно, как отличница учебы:

— Хворост нужен сухой!

— Хворост надо держать сухим, — поддержал ее Корней Иванович.

Прямая поддержка гения воодушевила гостью. Она освоилась, завладела положением и стала распоряжаться. И, странное дело, все ей подчинялись.

Корней Иванович присел на скамейку:

— Все пропало... А еще утром так было хорошо!

Пели птички, светило солнышко...

Лица, умеющие распоряжаться, вызывали в нем грусть.

Собирались дети. Они слушались тетю изо всех сил, с демонстративной серьезностью, как это мо-

гут делать только дети и чиновники до обеденного перерыва.

Приехал Берестов. Он всегда читал стихи на чуковских кострах. Мне кажется, Корней Иванович любил Валентина Дмитриевича, как Мойдодыра — как свое произведение, дорогое автору тем, что не меняется с переизданиями.

Берестов явился, сверкая лучезарными окулярами и доверчивой улыбкой, без которой не бывает счастливого детства.

Гостя ревниво посмотрела на него. Ее смутило, что гений так простецки обнимает взрослого мужчину. Вероятно, по ее мнению, Чуковский должен был обнимать исключительно детей. В крайнем случае Михалкова или Агнию Барто.

Задача гостя заключалась в том, чтобы передислоцировать внимание гения.

— Пусть всегда будет солнце! — вызываясь воскликнула она.

Корней Иванович покосился на серенькое небо. Гостя не унималась.

почувствовал, что не следует ее обижать в лучших эмоциях.

— Это сочинил маленький мальчик, — грустно и серьезно сказал Корней Иванович. — Это было чисто и непосредственно — тем и хорошо... А взрослые дяди сделали из детских слов номер для эстрады, приписали свои слова, и теперь эту пошлость горланят даже пьяные...

Гостя ничего не понимала. Гений совершал святотатство, а она была не из тех, кто отказывается от своих убеждений.

— Эту песню принял народ, — железно сказала она и холодно посмотрела на саморазоблачившегося гения. — Оказывается, и вы бываете не правы...

— Бываю! — чуть не взвизгнул от радости Корней Иванович. — Матушка! Бываю!

И он даже хлопнул в ладоши, бросив палку.

— Жаль, я тороплюсь на поезд, — уже леденяще сказала гостя.

Корней Иванович вскопчил, схватил ее за руку:

Леонид Лиходеев

— Замечательная песня!

Он тихо спросил:

— Кто вам сказал?

Она опешила:

— Как это?.. Это же ваша песня!.. Вы же сами ее записали! Теперь ее поют всюду! Все — и взрослые, не только дети!..

— Да, — печально сказал Корней Иванович, — записал... Я не знал, что из этого получится...

Теперь гостя была поражена:

— Но она же всем нравится!

— А мне — нет...

Он посмотрел на нее с сожалением и, вероятно,

— Торопитесь! Торопитесь! Наши поезда идут строго по расписанию! Это — прекрасные поезда!

Он преобразился, дети окружили его, или, если можно так выразиться, он окружил детей.

Маленькая девочка читала «Федорино горе». Она была так мала, что не выговаривала ни одного слова правильно. Но первые слова, которые она подчиняла себе неумелым ротиком, были словами Чуковского.

Он был счастлив.

И вдруг, кивнув в сторону калитки, он сказал:

— А ведь ее могут назначить кем-нибудь, а?

— Вполне...

— Вот задаст она мне тогда!..

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

...Один усатый мужчина с бородой вдруг детально вспомнил, что он командовал женским кавалерийским эскадроном, и объяснил разрыв в прохождении службы тем, что уходил в декретный отпуск.

— Во — память! — сказал Расторгуев и стал разбираться в ценном материале.

Он установил, что эскадрон был действительно женским, но не кавалерийским, а авиационным. Он установил также, что эскадрон был не эскадроном, а эскадрилей и что командовала им безусая женщина без никакой бороды и в декретный отпуск не уходила.

Усач плакал от возмущения. Узловатыми крепкими пальцами написал гневное заявление о том, что типичный энтузиазм надо ставить выше нетипичных фактов.

— Вы меня извините, Степа, но я никогда не понимал смысла этих высоких слов.

— Каких? — почтительно спросил Степа.

— Вот этих: «На переднем крае мирного фронта созидательной борьбы»... По-моему, здесь что-то такое, чего мое понимание не достигает.

Степан Степанович рассмеялся:

— А кто же вникает в смысл?

— Нет, серьезно, — настаивал я, — давайте наконец разберемся... Борьба не созидает, борьба разрушает. И потом, фронт — это нечто далеко не мирное...

Степан Степанович смотрел на меня с нежной снисходительностью, как на младшую группу детского сада.

Публикация Н. ФИЛАТОВОЙ.

Корней ЧУКОВСКИЙ, Надежда ФИЛАТОВА, Леонид ЛИХОДЕЕВ. Переделкино, 1968 г.

КАКИМИ ВЫ НЕ БУДЕТЕ

Кончилась война. Третьеклассник, я стоял на берегу зловонной реки Яузы. Напротив, на другом берегу, трое взрослых и пьяных урок развлекались тем, что топили кошку. Физически сильные, они бросали ее через всю ширину реки, почти к моему берегу. И кошке проплыть бы до моего безопасного берега всего-то два метра, но она, захлебываясь и все дольше скрываясь под водой, всякий раз плыла назад, к тому берегу, где стояли ее живодеры. И они хватили ее и бросали опять и опять. Видимо, только на том берегу у кошки была родина и все ее жизненные привязки.

...С закончившейся войны вернулся молодой солдат Леонид Лиходеев. На гражданке стал он поэтом с совершенно собственным, честным и чистым голосом. Ему бы подпустить в этот голос марксистско-ленинского мироощущения — и жил бы он припеваючи, сыт, пьян и нос в табаке. Однако, наблюдая на своем берегу большие несовершенства общества и весь состоя из высоких представлений о чести, не мог этого поэт, отчего и жил более чем впроголодь с перекрываемым ему издательским кислородом.

В России был величайший гражданин и знаток России — Салтыков-Щедрин. Он говорил: «Сатириком может стать только тот, в ком очень сильно представление об идеале». И, в г л я д е в ш и с ь в поэта Лиходеева, другой значительный

гражданин России, стародавний редактор «Литгазеты» С. С. Смирнов увидел в поэте должные представления об идеале. И взял его в штат газеты фельетонистом. Состоялся меж редактором и поэтом и известный мне еретический договор, в соответствии с которым вопреки всей практике марксистско-ленинской печати фельетоны либо без правки ставились в номер, либо шли в корзину.

Фельетонист вообще, настоящий фельетонист — крайне редкая и самовозникающая категория. Ни в какие времена, ни в какой стране, процветающей либо влачащей, громадной или крохотной, не бывает сразу трех, скажем, фельетонистов. Их всегда максимум один, в изобильные отрезки времени — два. Нельзя выучиться на фельетониста, оно — богоданный дар. Но только в нашем отечестве учили по этому разряду, рапортуя в агитпроп ЦК КПСС, что подготовлено еще столько-то верных подручных партии. Ясно, все это было враньем. Фельетонист у нас был один — Леонид Лиходеев. И целых семь месяцев при попустительстве властей продолжался в «Литературке» этот пир здравого смысла и жанра: «Без правок, Лиходеева или в номер, или в корзину». И миллионы людей стали считать духовным праздником для себя выход каждого нового номера «Литературки».

Понятно, все это кончилось снятием с работы редактора и изгнанием фельетониста. Травля Лиходеева была всеохватной. Утопляли его дружными объединенными усилиями, а этот человек, могущий составить честь любой стране, во многих странах оцененный и желанный, плыл всегда к тому берегу, где стояли его мучители. И если Иов в Священном писании говорит Вседержителю: «Испытай меня, выйду как золото!» — то уж, наверное, по сумме выпавших ему испытаний не менее как платиноидиевым мог считаться Лиходеев.

Молодой Сергей Александрович Есенин писал в своих дневниках: «Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот. Я впервые видел живого Поэта».

С потом у нас давно уже слабо. У нас теперь предпочтается даже, чтобы пот капал как раз с Блоков. И при виде Лиходеева многие годы в редакциях не увлажнялось ничье чело. Напротив, с полным набором правочных абортивных крючьев везде бросались на растерзание гражданственных и блестящих текстов, и вислогубый отставной пушечно-гаубичный поллитрук, в силу крепкой идейной завкаски поставленный партией на сатиру, строго говорил опальному автору: да, не может это у нас пойти, а вот тут вы и вовсе порнографическое слово вернули, вот, вот: «седалище».

Архимед просил римского терциария: «Убей меня, но не трогай мои чертежи!» Терциарий на своей ступени развития пошел навстречу, чертежами пренебрег, предпочитая снести голову старику. Совсем не таковы были терциарии компартии. Убивать? Нет, живи как-нибудь, но вот твои чертежи...

Теперь Леонид Израилевич Лиходеев умер. Многие чертежи этого человека беззаветной чести и таланта — таких за семьдесят лет у нас трое: Ильф, Петров, Лиходеев — затерты и размыты. Они ждут — во благо такого необходимого нам нравственного строительства — своего реставратора, своего Шлимана.

А я тем временем глядявваюсь: ну же, великая страна, свято место пусто не бывает, кто, такой нужный нам, придет вместо Леонида Израилевича? Но откуда ничего в волнах не видно, кроме россыпи карликовых фигурок да рассказы Э. Хемингуэя, в котором особенно примечательно название. Вот оно: «Какими вы не будете».

А. МОРАЛЕВИЧ.

БУНИЧ

тая теперь первым проректором Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. Правда, с момента избрания депутатом Госдумы выполняю эти обязанности на общественных началах.

До недавнего времени я был членом Президентского Совета при Ельцине. В силу своего характера мнение выражал всегда открыто и прямо, невзирая на лица... Но лица, оказывается, взирали и оценивали мою ругань на Совете. В результате я из него выбыл, чему, собственно, и не удивляюсь. Я удивляюсь тому, что в него попал. Выбыл я в неплохой компании, вместе с академиками О. Богомоловым, Г. Арбатовым, С. Федоровым и др., то есть почти с половиной Совета. «Реконструкция» Совета происходит после наущничанья приближенных, которое делается соло или хором. Кто-то из окружения не раз и не два при случае кого-то «не одобряет». Если все-таки не услышан или попадает не в настроение, действует сценарий «хорошего пения». О тебе говорят уже несколько именитых лиц. Так «частотой падения» вода точит камень, а окружение делает свои «реконструкции» в политике.

«Нэ вытэкает...»

У меня, хотя я и не президент, а лишь член-корреспондент АН РФ, тоже всегда было свое окружение. Как-то так сложилось в жизни, что моей микросредой были деятели литературы и искусства. Я был хорошо знаком с Г. Товстоноговым, Е. Лебедевым, Э. Быстрицкой, дирижером К. Кондрашиным, поэтом Р. Рождественским и горячо любимым мною А. Райкиным... Я вот говорил об интригах «при дворе», но такие интриги и возможность попасть в милость или немилость стары как мир. И гениальный Райкин, с которым мы дружили семьями, посвятил меня в забавные истории, которые приключились с ним и властью имущими. Я имел возможность сравнивать их со своими...

Как-то, рассказывал Аркадий Исакович, перед войной он участвовал в правительственном концерте, который Сталин, как обычно, устроил ночью. Выступали в зале, где партийные бонзы почему-то сидели каждый за отдельным столиком. Но около Сталина, полусогнувшись по-лакейски, стоял Поскребышев. Райкин шел под № 19 и показывал сценку со ставшей знаменитой «авоськой». Он выходил с маленькой сетчатой сумочкой, размахивал ею и говорил: «Пойду, авось-ка чего-нибудь достану». Во время сценки Поскребышев что-то нашептывал Сталину, но тот, не позволяя себе шептаться с подчиненным, громко сказал: «Нэ вытэкает». Райкин всю эту мизансцену видел и слышал. И понял, что если бы «вытэкало», то авоська «вытекла» ему боком. При всем нашем неприятии Сталина было бы хорошо, если бы и наш президент тоже пресекал подобным «нэ вытэкает» нашептывания и «хоровое пение» своего окружения.

А вот еще одна история, рассказанная мне Райкиным...

С Брежневым у Райкина сложились неплохие отношения в годы войны, когда Райкин оказался в Днепропетровске. В последующем Брежнев, олекавший

своих «днепропетровцев», оказывал благоволение и Аркадию Исаковичу и даже устраивал с ним театр двух актеров. И вот однажды на приеме по случаю визита Яноша Кадара разыгрывается такая сценка. Янош Кадар и Брежнев обходят приглашенных на прием и «пожимают ручки». Подошли к Райкину. Брежнев спрашивает: «Как живешь?» Райкин отвечает: «Хорошо». «А если серьезно?» «Очень хорошо». «А если без дураков?» «Тогда плохо», — отвечает Райкин. — Жена больна, а я по полгода живу в Москве в гостинице, так как нет квартиры». «Приходи ко мне завтра», — отвечает Брежнев.

Назавтра Райкин приходит, но Брежнев достает фотоальбом и рассказывает историю каждой фотографии: «Вот этот, видишь? Был моим шофером, а сейчас — министр». Разговора о квартире Брежнев не начал, а Райкин смолчал и ушел ни с чем...

Опять приехал Янош Кадар, и опять на приеме Брежнев с Кадаром подходят к Райкину. Задав свои «Ну как живешь?» и «А если серьезно?», Брежнев вместо третьего вопроса: «А если без дураков?» — просто покрутил у своего лба пальцами и, не слушая ответа Райкина, сказал: «Приходи ко мне завтра». Райкин пришел и вскоре получил в Москве квартиру.

А когда Райкин лежал в больнице, Брежнев позвонил ему и спросил: «Можешь ко мне приехать?» Райкин по состоянию здоровья мог и приехал к Брежневу. Дальше пошло, как в сказке о золотой рыбке.

Брежнев: «Ну теперь-то ты доволен?» Райкин: «Нет, есть причина для недовольства. Театр в Москве не имеет помещения. Работать трудно». Брежнев: «Но я не знаю, что делать в таком случае». Райкин: «А я знаю одного человека, который знает, что нужно делать».

Брежнев был уже очень болен и выглядел мумией. И вот мумия улыбулась и говорит: «Садись и пиши заявление о переезде театра в Москву».

«Ну теперь-то все?» — спросил Брежнев, собираясь писать резолюцию. Райкин: «Нет. И теперь не все. Есть люди, которые будут препятствовать». Брежнев, ни о чем Райкина более не спрашивая, снимает трубку телефона и звонит Гришину — первому секретарю Московского горкома КПСС. «Гришин, — сказал Брежнев, — вот тут у меня сидит Райкин. Он хочет, чтобы его театр переехал в Москву. Я согласен, а ты?» Гришин: «И я согласен».

Тогда Брежнев, по-прежнему ни о чем Райкина не спрашивая, звонит Демичеву — министру культуры СССР. Брежнев: «Демичев, вот тут у меня сидит Райкин, он хочет, чтобы его театр переехал в Москву. Я согласен, Гришин согласен, а ты?» Демичев: «И я согласен».

Брежнев набирает номер Романова — первого секретаря Ленинградского обкома, и разговор повторяется слово в слово: «Я согласен, Гришин согласен, Демичев согласен, а ты?» Романов: «И я согласен».

Брежнев написал на заявлении резолюцию, отдал его Райкину и сказал: «Держи эту бумагу, она будет для тебя как пропуск».

Отвлекала известного экономиста от думских занятий парламентский корреспондент «Крокодила» Аза ПАВЛОВА.

ДУМА ДУМАЕТ...

ИЗ ПАРЛАМЕНТСКИХ СТЕНОГРАММ

В. В. ЖИРИНОВСКИЙ. ...Вы не думайте, что у меня память плохая, у меня память отличная: с детского сада еще помню, как умер товарищ Сталин (и вот до сих пор жду, когда другие умрут)...

Е. Ю. ЛОГИНОВ. ...Сегодня перепуганные «демороссы» пытаются взять инициативу в свои руки. Считаю, что такие политические спекуляции на жизни людей недопустимы.

А. А. ОСОВЦОВ. Иван Петрович, у меня к вам большая просьба. Я ее, кажется, повторяю в третий раз. Делайте сами замечания депутатам, которые позволяют себе разного рода некорректные высказывания. Ну что такое «перепуганные демороссы»? Я, например, совершенно не чувствую себя перепуганным и предлагаю всякому, кто полагает, что я перепуган, подойти и лично убедиться, что это не так.

С. Н. ЮШЕНКОВ. ... Я бы хотел просто сказать о том, что действительно надо принять закон об освидетельствовании политических деятелей, и прежде всего депутатов. Может быть, тогда в нашей стране меньше будет шизофреники. (Шум в зале.)

А. Н. ЗАЙЦЕВ. ... Я прошу зафиксировать протокольной записью, что Комитет по бюджету, налогам, банкам и финансам, очевидно, будет в полном составе скоро выведен из строя. В помещениях практически минусовая температура. Я не знаю, о чем думают руководители, которые за это ответственные, о чем думают турецкие рабочие. Они очень часто приходят в наш комитет, проверяют, так сказать, коммуникации, которые обеспечивают тепло, но воз и ныне там. А наш Комитет по организации работы Государственной Думы уже отчитался, разослана бумага, что у нас вообще все замечательно. Когда все это кончится, совершенно непонятно, уже нет сил терпеть. Я удивляюсь, как сегодня Оксана Генриховна (Дмитриева. — Ред.) вышла к микрофону и что-то сказала, потому что у нее там не комната, а холодильник. Я прошу обратить на это внимание.

В. А. МАРЫЧЕВ. Видите, как они смеются: «Ха-ха-ха». Иван Петрович! Я вам хочу сделать замечание. Вы учтите, никто просто так не выступает. Задонский орет, каждое предложение, которое он выдвигает, он, так сказать, криком берет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Вячеслав Антонович, прошу вас, депутат Задонский говорит, а не орет.

Наш думский корр.

КРОКОДИЛ

Журнал сатиры и юмора

№ 2 (2770)
февраль 1995

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ
1922 ГОДА

Учредитель —
трудоустрой коллектив
редакции журнала
«Крокодил»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Алексей ПЬЯНОВ.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Наталья БУХАЛЁВА (ответственный секретарь),

Борис ЕФИМОВ, Лидия ЖЕСТКОВА, Михаил КАЗОВСКИЙ,

Владислав ПОБЕДНОСЦЕВ (зам. главного редактора),

Эдуард ПОЛЯНСКИЙ, Святослав СПАСКИЙ (главный художник).

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

В автосервисе:

- Что у вас с автомобилем?
- Не знаю.
- Тогда это будет стоить триста долларов.

Директор входит в офис и спрашивает свою секретаршу:

- Какой сегодня день, госпожа Шлюттер?
- Понедельник, господин директор.
- Так, так. Сегодня уже понедельник, завтра — вторник, послезавтра — среда. Половины недели как не бывало, а еще ничего не сделано!

— Бабушка, а правда, что на всякое зло нужно отвечать добром?

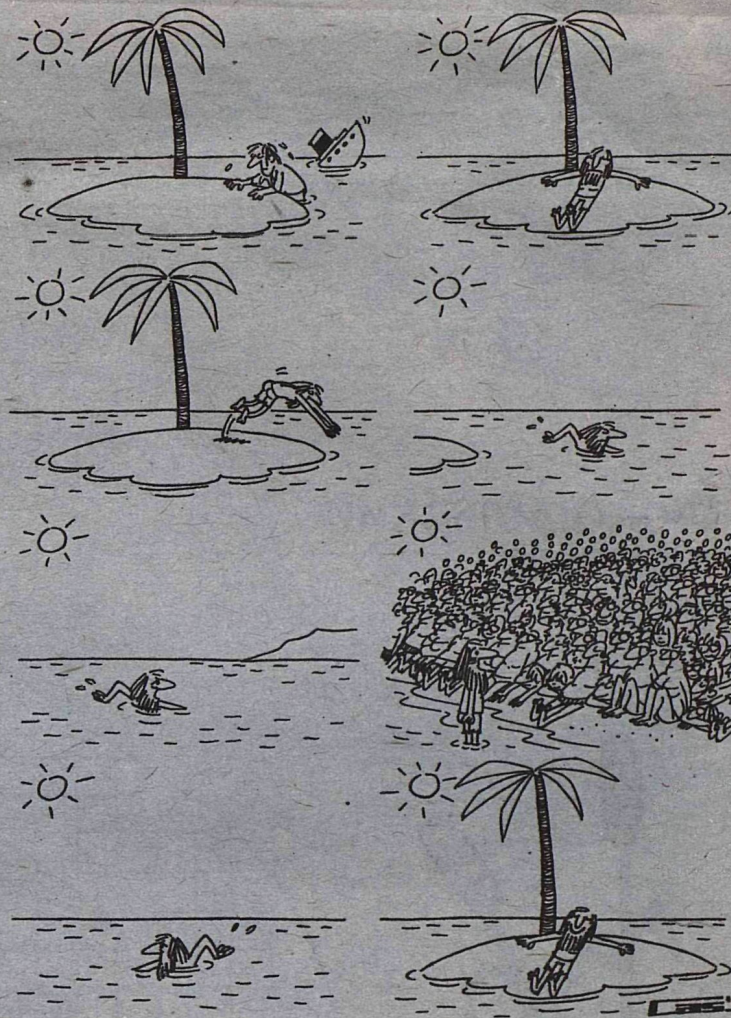
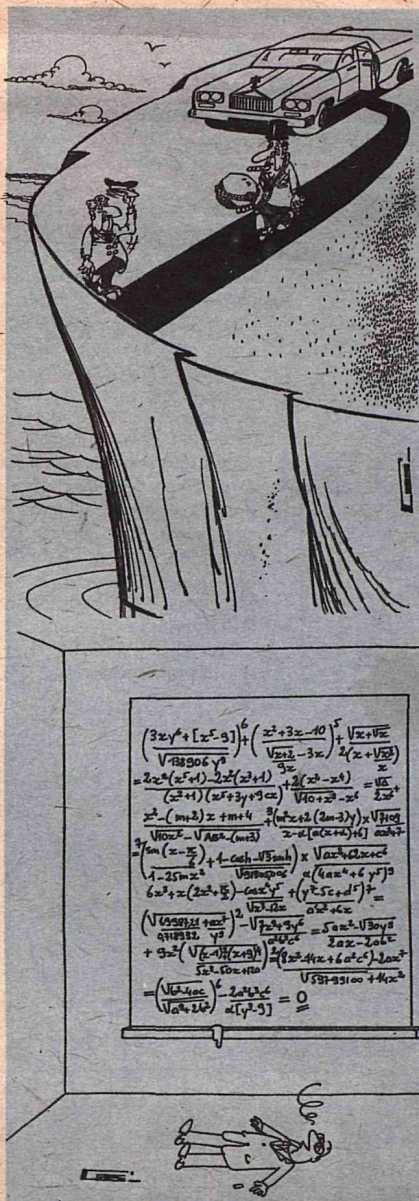
- Да, внучек.
- Тогда дай мне две кроны — я сломал твои очки.

— Сэр, я хотел бы жениться на вашей дочери.

- А с моей женой вы говорили?
- Да, сэр, но я бы все-таки предпочел дочь.

— Двадцать тысяч за операцию! Это очень дорого!

- Тогда обращайтесь к моему коллеге доктору Дюпону, он оперирует бесплатно.
- Неужели бесплатно?
- Для вас — да. Ему обычно платят наследники.

Французский художник Серж Кастильо прислал нам свои карикатуры и письмо на чистом русском языке. Интересно... Карикатуры эти вполне французские, псевдоним Сержа для его соотечественников тоже привычный — Кас. Но откуда взялся «великий, могучий»? Где есть хоть маленькая загадка, там немедленно «шерше ля фам». И впрямь, вот цитата из письма: «Моя жена — русская, ее зовут Марина». Теперь все встало на свои места, включая рисунки нашего нового автора.

Владимир ДАГУРОВ

МУРАШКИ

СТРАСТЬ

Каким прекрасным идеалам
Пришла хана под одеялом!

ОЧЕПЯТКИ

- ▣ Новогодняя тёлка.
- ▣ Тертый палач.
- ▣ Все генитальное — просто.

С. ФЕДИН, г. Щелково.

КРАСАВИЦА

Прекрасный взгляд ее ловлю,
Но если вдуматься толково:
Ее такую полюблю —
Полюбит ли она такого?!

ПРОЗРЕНИЕ

Наблюдал я как-то с крыши
За полетом птичьих стай.

Человек развитьем выше —
А поди-ка полетай!

ОБРАЗЕЦ

Разворошили муравейник,
И муравей бежит с яйцом —
Дороже золота и денег
Его желанье стать отцом.

ГОЛОВА И НОГИ

Моя шальная голова,
С тобой душа едва жива.
Из передрыг в итоге
Меня спасают ноги!

УЧИТЕЛЬ

Сею разумное, доброе, вечное...
Всходов лишь нет... и работа увечная...

ВЫПОЛНЯЕМ ЗАКАЗЫ НА РАЗРАБОТКУ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЛЯ IBM-PC.

Гарантируются
остроумное решение и сжатые сроки.

(095) 257-37-69.

Художественный редактор Диана МАЗУР.

В оформлении номера участвовал
В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В МЕСЯЦ.

Редакция знакомится со всей поступающей почтой и вступает в переписку по мере необходимости. Присланные литературные и изобразительные материалы не рецензи-

руются. Рукописи меньше 2 авторских листов не возвращаются. Перепечатка из «Крокодила» допускается только со ссылкой на журнал и с разрешения редакции.
НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
фельетонов — 250-46-68, литературы — 250-16-63,
художественного — 250-09-70, распространения — 257-37-51,
рекламы — 257-37-69.
Приемная — 257-31-14.

Сдано в набор 16.12.94. Подписано к печати 28.12.94.
Формат бумаги 70 x 108%. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 11,20. Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 153 900 экз. Зак. № 1945.
В розницу цена договорная.

Журнал зарегистрирован Министерством печати и массовой информации России.
Свидетельство № 01535.

Типография издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

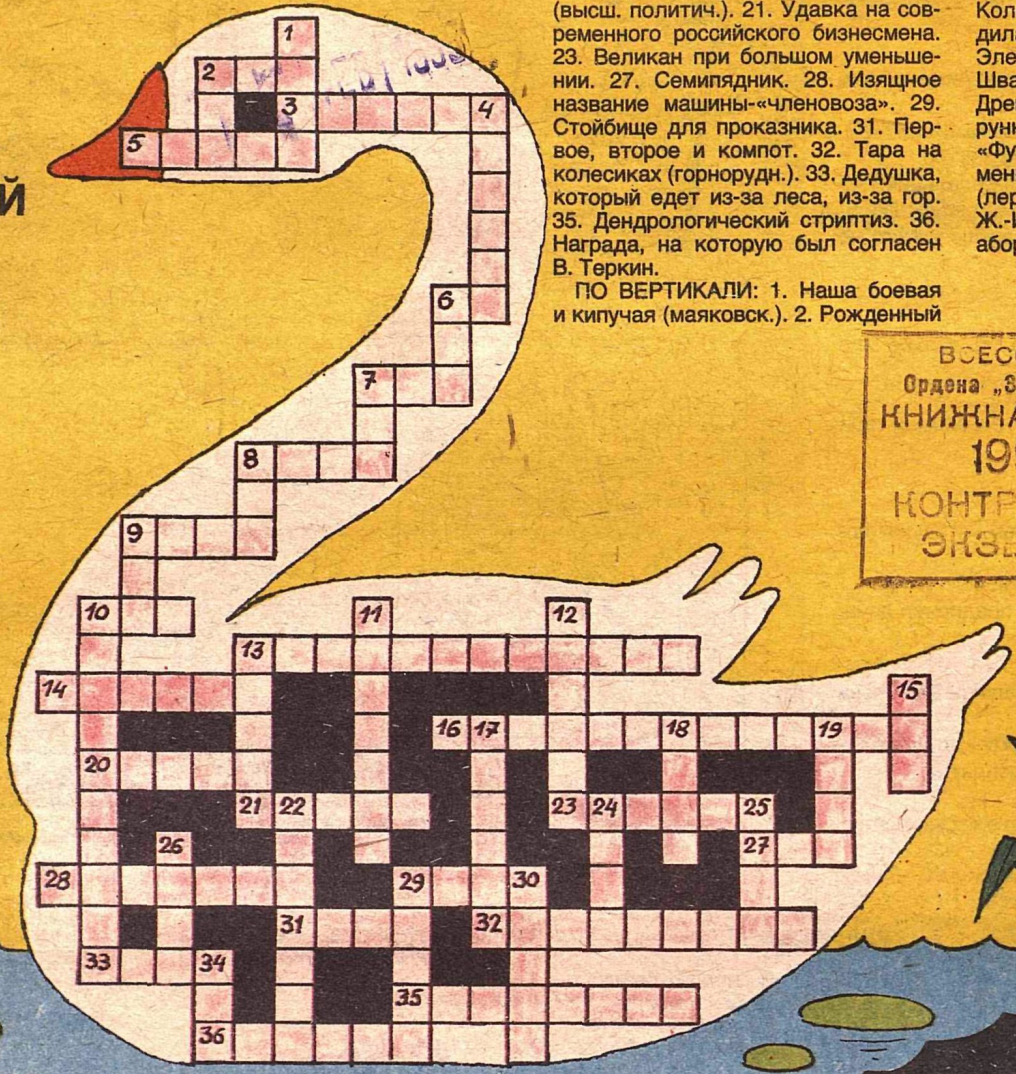
© «Крокодил», 1995.

100.000 ЗА АНЕКДОТ!

Крокодил с удовольствием сообщает имена лауреатов анекдотчиков этого номера. 100-тысячной премии удостоилась С. МЕЗЕНЦЕВА из г. Энгельса («Решил Леня Голубков...»). 50 тысяч рублей во второй раз поедут в г. Калугу к нашему постоянному читателю Ф. КОНОНЕНКО («Парень проводил девушку...»).

А другим что, уже деньги не нужны? Меняем рубли на самые свежие, а также на любимые классические анекдоты. На конверте не забудьте пометить: «Конкурс «БОРОДА»».

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. * Автомобильная антилопа (ильфопетровск.). 3. Собрат бычков по томату. 5. Дама, неприятная во всех отношениях (водян.). 6. Украшение мужчины, на которое можно что-то намотать. 7. Горная дразнилка. 8. Архимед в ванне (физич.). 9. Кукиш по-украински. 10. Зов тети Полли, на который она не получала ответа (марктвеновск.). 13. Статус «Евгения Онегина» в русской жизни (белинск.). 14. Геометрическое по форме детское творческое объединение. 16. Качка не на море, а на суше. 20. В Киеве — дядька (высш. политич.). 21. Удавка на современного российского бизнесмена. 23. Великан при большом уменьшении. 27. Семиядник. 28. Изящное название машины-«членовоза». 29. Стойбище для проказника. 31. Первое, второе и компот. 32. Тара на колесиках (горнорудн.). 33. Дедушка, который едет из-за леса, из-за гор. 35. Дендрологический стриптиз. 36. Награда, на которую был согласен В. Теркин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Наша боевая и кипучая (маяковск.). 2. Рожденный

ползать (груб.). 4. Здоровяк, который бывает на глиняных ногах. 6. Микрофон для шептуна. 7. Объект борьбы, за который «и как один умрем» (большевистск. песенн.). 8. Зеленая мелкотравчатая паразитка (энтомологич.). 9. Место, откуда вешали Сатин и К° (горьковск.). 10. Шевелитель пунктом 6 по горизонтали (чуквск.). 11. Любимая зимняя шапка Никиты и Михаила Сергеевичей. 12. Человек оттуда, где моя деревня, где мой дом родной. 13. Голубой в каждом доме (электронн.). 15. Волосатая сушка. 17. Карикатурист, младший брат Кольцова и старший брат «Крокодила». 18. Баранка у водилы. 19. Электрическое поле у святого. 22. Шварценеггер запанибрата. 24. Древнегреческая посуда (золоторунн.). 25. Кусок паршивой овцы. 26. «Фу!» (кинологич.). 29. Свойство, заменившее Калашникову автомат (лермонтовск.). 30. Выходная обувь Ж.-И. Кусто. 34. Напиток, зовущий на абордаж.

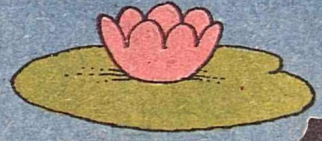
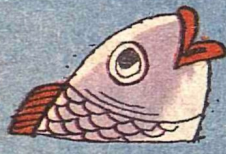
Составил М. КУЗНЕЦОВ, г. Кзыл-Орда.

ВСЕСОЮЗНАЯ
Ордена «ЗНАК ПОЧЕТА»
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
1995 г.
КОНТРОЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ОТВЕТЫ НА КВК,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Катет. 7. Корзина. 9. Бифштекс. 11. Бык. 12. Пинок. 14. Пятки. 15. Колено. 17. Голь. 21. Телефон. 23. Масленица. 24. Ночи. 25. Яйцо. 26. Боек. 27. Кафка. 29. Рога. 30. Хармс. 32. Бровь. 33. Стена. 34. «Телек». 35. Отель. 38. Стан. 41. Разборка. 43. Унты. 45. Участие. 48. Аквариум. 50. Римлянин. 51. Стенень. 52. Крановщица.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Кошки. 2. Треск. 3. Розина. 4. Язык. 5. Пари. 6. Фият. 8. Рыло. 10. Сплетник. 13. Осина. 14. Пьяница. 16. Талия. 18. Официант. 19. Пароход. 20. Злак. 21. Ташкент. 22. Соловей. 28. Аптека. 31. Молодь. 35. Откат. 36. Реноме. 37. Вода. 39. Тезка. 40. Караван. 41. Рыцарь. 42. Парнас. 44. Миша. 46. Челка. 47. Сын. 49. «Бевц».

ОПТОВИКАМ — РАСПРОСТРАНИТЕЛЯМ ПЕЧАТИ ВСЕХ ГОРОДОВ И ВЕСЕЙ РОССИИ

Прямая связь с «Крокодилом» — (095) 257-37-51

ИНТЕРЕС — ВЗАИМНЫЙ, МАРШРУТ — ЛЮБОЙ, ДОСТАВКА — ПО ДОГОВОРЕННОСТИ.

ПРИХОДИТЕ
В
«КРОКОДИЛ»!

ВСЕМ, КТО ЛЮБИТ ШУТКУ И НЕ ЛЮБИТ СВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СВЯЗИ, АЛЧНОЕ МЫ ОФОРМИМ ПОДПИСКУ ПРЯМО В РЕДАКЦИИ

БЕЗ ПОЧТОВЫХ НАКРУТОК И ХОТЬ С ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ.

Звоните: 257-37-51. Приезжайте: мы в двух шагах от метро «Савеловская».

С «КРОКОДИЛОМ» ЖИТЬ ВЕСЕЛЕЕ!

А. КУЗНЕЦОВ, г. Ишимбай.